

ВИСЕНТЕ БЛАСКО ИБАНЬЕС

Кровь и песок

18+

Магистраль. Сиеста

Висенте Бласко-Ибаньес

Кровь и песок

«ЭКСМО»

1908

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

Бласко-Ибаньес В.

Кровь и песок / В. Бласко-Ибаньес — «Эксмо»,
1908 — (Магистраль. Сиеста)

ISBN 978-5-04-190757-0

«Кровь и песок» – коррида, неподражаемый матадор, испанский колорит. Знаменитый тореро Хуан Гальярдо, выходец из низов, купается во всенародной любви. Толпа восторженно ревет, когда матадор дразнит разъяренного быка и в последнюю секунду уворачивается от его рогов. Гальярдо играет с судьбой. Каждый выход на арену может стать для него последним, и эта мысль неусыпно преследует его... Прославленный тореро хочет получить от жизни все. В том числе и загадочную аристократку донью Соль – любительницу острых ощущений и экзотики. Но коррида жестока. Бык берет свое, и Гальярдо оказывается на грани жизни и смерти. Возвращаться на арену после ранения тяжело. Особенно, когда постоянно преследует страх перед быком, а зрители требуют зрелищ и самоубийственной отваги. Поэтесса Маргарита Пушкина написала песню «Тореро» для рок-группы «Ария», вдохновившись романом Висенте Бласко Ибаньес «Кровь и песок». Это философско-психологический роман. За кажущейся простотой повествования о жизни знаменитого тореро Хуана Гальярдо скрываются непростые вопросы о сущности людей и о человеческой жестокости. «Все были уверены, что Гальярдо суждено умереть на арене от рогов быка, и именно эта уверенность заставляла публику аплодировать ему с кровожадным восторгом».

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-190757-0

© Бласко-Ибаньес В., 1908

© Эксмо, 1908

Содержание

I	7
II	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Висенте Бласко Ибаньес

Кровь и песок

Vicente Blasco Ibáñez
SANGRE Y ARENA

© Линцер Р. И., перевод на русский язык, 2023. Наследник, 2023

© Лейтнер И. К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

I

Как всегда в дни корриды, Хуан Гальярдо позавтракал рано. Единственным его блюдом был кусок жареного мяса. К вину он не прикоснулся: бутылка стояла перед ним нетронутая. В такой день необходимо сохранять ясную голову. Он выпил две чашки крепкого черного кофе, закурил толстую сигару, оперся локтями на стол и, опустив подбородок на руки, со скучающим видом стал разглядывать посетителей, постепенно заполнявших ресторанный зал.

Вот уже несколько лет, с тех самых пор, как он убил первого быка на арене мадридского цирка, Хуан Гальярдо останавливался в этом отеле на улице Алькала. Хозяева относились к нему как к члену семьи, а лакеи, швейцары, поварята и старые горничные обожали его, считая гордостью своего заведения. Здесь же, – весь обмотанный бинтами, задыхаясь в душной комнате, пропитанной запахом йодоформа и табачным дымом, – провел он долгие дни после того, как бык поднял его на рога. Впрочем, дурные воспоминания не угнетали матадора¹. Живя под постоянной угрозой опасности, он был суеверен, как всякий южанин, и считал, что этот отель приносит удачу, что здесь ничего дурного с ним произойти не может. Случайности ремесла – прореха на одежде или на собственной коже – это еще куда ни шло; но никогда не упасть ему замертво, как падали его товарищи, воспоминание о которых омрачало лучшие часы его жизни.

В дни корриды Хуан любил оставаться после раннего завтрака в ресторане и наблюдать за непрерывно снующими вокруг посетителями. Приезжие – иностранцы или жители дальних провинций – равнодушно проходили мимо, даже не взглянув на него, но тут же с любопытством оборачивались, узнав от слуг, что этот щеголеватый молодой человек с гладко выбритым лицом и черными глазами – не кто иной, как Хуан Гальярдо, знаменитый матадор, которого все запросто называли Гальярдо. В атмосфере общего любопытства не так тягостно ожидать, пока настанет час выезда в цирк. Как медленно тянется время! Эти часы колебаний и неуверенности, когда из самых глубин души поднимаются смутные страхи, внушая матадору сомнение в своих силах, были самыми горькими часами в его работе. Выходить на улицу не хотелось – перед тяжелым боем надо чувствовать себя свежим и отдохнувшим. Поесть вволю он не смел – перед выходом на арену не следует перегружать желудок.

И Гальярдо, окруженный облаком душистого дыма, продолжал сидеть за столом, подперев руками подбородок, и время от времени не без кокетства поглядывал на дам, с интересом наблюдавших за знаменитым тореро².

Тщеславный кумир толпы угадывал в их взглядах восторг и поклонение. Дамы находили, что он элегантен и хорош собой. И, позабыв все тревоги, он, как всякий человек, привыкший красоваться перед публикой, невольно принимал изящные позы, стряхивая кончиком ногтя упавший на рукав сигарный пепел или поправляя перстень шириной чуть не в сустав его пальца, украшенный огромным бриллиантом, переливавшимся всеми цветами радуги, словно в его ясной глубине пылал волшебный огонь.

Гальярдо самодовольно оглядел свой безукоризненный костюм, шляпу, лежавшую на соседнем стуле, тонкую золотую цепочку, протянувшуюся из одного кармашка жилета в другой, жемчужную булавку в галстук, казалось смягчавшую молочным светом смуглый тон его лица, башмаки русской кожи и выглядывающие из-под узких панталон ажурные шелковые носки, похожие скорее на чулки коготки.

¹ *Матадор* – главный участник пешей корриды, в конце представления он должен убить быка (здесь и далее примечания редактора).

² *Тореро* – то же, что и тореодор; тореро называют всех непосредственных участников корриды, поэтому матадора можно назвать тореро.

Одуряющий запах тонких английских духов исходил от всей его одежды, от блестящих и волнистых черных волос, которые Гальярдо начесывал на виски, зная, что это нравится женщинам. Для тореро он был недурен. Право же, он может гордиться собой. Кто еще обладает таким достоинством, такой привлекательностью для женщин?..

Однако вскоре им снова овладела тревога, глаза его погасли, и, подперев голову руками, он принялся сосать свою сигару, неподвижно уставясь в облако табачного дыма. Он страстно мечтал о наступлении вечера, когда придет долгожданный час и он вернется из цирка, весь в поту, усталый, но счастливый сознанием побежденной опасности, с бешеным аппетитом, с безудержной жадностью наслаждений, с уверенностью в нескольких днях спокойствия и отдыха. Если бог поможет ему и на этот раз, он жадно поест, как бывало во времена голодной юности, выпьет немного вина и разыщет ту певичку из мюзик-холла, с которой он встретился в прошлый приезд, но не смог закрепить знакомства: из-за этой бродячей жизни ни на что времени не хватает!

В ресторане появились восторженные поклонники – прежде чем отправиться по домам завтракать, они хотели повидать матадора. Все это были старые любители, которым обязательно нужно было принадлежать к какой-нибудь партии и иметь своего кумира. Они избрали молодого Гальярдо «своим» матадором и теперь досаждали ему мудрыми советами, поминутно вспоминая о своем былом преклонении перед Лагартихо или Фраскуэло³. С покровительственной фамильярностью они говорили матадору «ты», а он, отвечая им, почтительно прибавлял к каждому имени «дон», подчиняясь традиционному классовому неравенству, которое существует еще между тореро, вышедшим из низов общества, и его поклонниками. В их устах восторги и восхваления переплетались с отдаленными воспоминаниями, – пусть почувствует молодой матадор превосходство возраста и опыта! Они рассказывали о мадридском «старом цирке», на арене которого встречались только «настоящие» быки и тореро, а приближаясь к нынешним временам, с трепетным волнением вспоминали о «негре». Негром называли знаменитого Фраскуэло.

– Если бы ты только видел!.. Но в те времена ты и твои сверстники были еще сосунками, а то и вовсе не родились на свет.

Приходили и другие поклонники, в потрепанных костюмах, с истощенными лицами, репортеры мелких газет, известных только одним тореро, на которых они изливали свои хвалы или поношения. Все эти люди сомнительной профессии появлялись, едва заслышав о приезде Гальярдо, и осаждали его своими восторгами и просьбами о билетах. Преклонение перед общим кумиром объединяло их с важными сеньорами – богатыми коммерсантами или крупными чиновниками, и те, не смущаясь их нищенским видом, с жаром обсуждали вместе с ними все тонкости тавромахии⁴.

При встрече с матадором каждый обнимал его или пожимал руку с неизменными восклицаниями и вопросами:

- Хуанильо... Как поживает Кармен?
- Хорошо, благодарю вас.
- А матушка? Сеньора Ангустиас?
- Прекрасно, благодарю вас. Она сейчас в Ринконаде.
- А сестра, племянники?
- По-прежнему, благодарю вас.
- А этот урод, твой зять?
- Тоже хорошо. Такой же болтун, как всегда.

³ *Лагартихо* и *Фраскуэло* – прозвища одних из самых известных матадоров своего времени Рафаэля Молины Санчеса (1841–1900) и Сальвадора Санчеса Поведано (1842–1898).

⁴ *Тавромахия* – борьба тореро с быком, иногда под тавромахией подразумевается травля быка или бой между быками.

– Ну, а потомство? Нет надежды?

– Нет... Об этом не приходится и думать.

Гальярдо в знак отрицания энергично прикусил ноготь, а затем из вежливости обратился к гостю с теми же вопросами, хотя не знал о нем ничего, кроме его увлечения боем быков.

– А ваша семья как? Хорошо? Рад слышать. Присядьте, выпейте что-нибудь.

Он стал расспрашивать о быках, с которыми ему предстояло встретиться через несколько часов. Все друзья побывали уже в цирке и наблюдали за тем, как животных загоняли в стойла. Гальярдо с профессиональным любопытством выслушивал мнения, высказанные в Английском кафе, где обычно собирались любители.

Это была первая весенняя коррида, и поклонники Гальярдо возлагали на него большие надежды, вспоминая газетные отчеты о победах своего любимца на других аренах Испании. У этого тореро контрактов хоть отбавляй. Начиная с пасхального боя быков в Севилье, которым обычно открывается сезон, Гальярдо переходит с одной арены на другую. А в августе и сентябре он совсем не знает отдыха – ночь проводит в поезде, а день на арене. Его импресарио в Севилье засыпан письмами и телеграммами и ломает голову, пытаясь примирить бесчисленные предложения с неумолимым календарем.

Прошлым вечером Гальярдо выступал в Сьодад-Реале и, не успев сменить расшитый золотом костюм, сел в поезд, чтобы утром попасть в Мадрид. Ночь он провел почти без сна, примостившись в уголке вагона. Пассажиры потеснились: надо же дать отдохнуть человеку, которому завтра предстоит рисковать своей жизнью.

Поклонники восхищались выносливостью Гальярдо и неукротимой отвагой, с какой он бросался на быка, нанося смертельный удар.

– Поглядим, каков ты будешь сегодня вечером! – восклицали они с пылом фанатиков. – Любители многого ждут от тебя. Ты снимешь не один бант... Не хуже, чем в Севилье.

Распрощавшись, поклонники разошлись по домам, чтобы успеть позавтракать и пораньше попасть на корриду. Гальярдо решил подняться к себе в комнату; нервное возбуждение не давало ему покоя. В это время в застекленную дверь ресторана, не обращая внимания на окрики слуг, прошел какой-то человек, таща за собой двух ребятишек. Увидев Гальярдо, он робко заулыбался и подтолкнул вперед малышей, которые, словно зачарованные, усталились на знаменитого тореро. Гальярдо узнал посетителя:

– Как поживаете, кум?

Последовали неизменные вопросы о здоровье семьи. Затем гость повернулся к сыновьям и торжественно произнес:

– Ну, вот вам и он. Житья не было от их расспросов!.. Видите, совсем как на портретах.

И малыши с молитвенным восторгом воззрились на героя, которого до сих пор знали лишь по портретам, украшавшим их убогое жилище, – на сверхъестественное существо, поразившее их неискушенное детское воображение своим бесстрашием и богатством.

– Поцелуй крестному руку, Хуанильо.

Младший мальчик ткнулся в руку тореро розовой мордашкой, до блеска вымытой по случаю знаменательного визита. Гальярдо рассеянно погладил его по голове. Сколько этих крестников было у него по всей Испании! Поклонники постоянно упрашивали его крестить у них детей, свято веря, что это принесет им счастье. Частое появление матадора на крестинах – признак растущей славы. С этим крестником у него было связано воспоминание о трудных днях начала карьеры, и он испытывал благодарность к отцу малыша, поверившему в его звезду, когда все еще в ней сомневались.

– Как дела, кум? – спросил Гальярдо. – Не лучше?

Гость пожал плечами. Кое-как перебивается, работая маклером на рынке, на площади Себада; перебивается – и то ладно. Гальярдо проникся сочувствием к жалкому виду принарядившегося бедняка.

– Верно, хотите попасть на корриду, а, кум? Поднимитесь ко мне, Гарабато даст вам пропуск. Прощай, малыш!.. Вот... купите себе что-нибудь.

И пока крестник снова целовал матадору руку, он другой рукой сунул обоим ребятишкам по несколько дуру. Отец увел свое потомство, рассыпаясь в извинениях и благодарностях, из которых не очень ясно было, что больше вызывало его восторг – подарок детям или обещанный билет на корриду.

Гальярдо немного помедлил, чтобы снова не встретиться в своей комнате с восторженным почитателем и его детьми. Он взглянул на часы. Час дня! Сколько еще ждать до корриды!..

Едва он вышел из ресторана и направился к лестнице, как из швейцарской выбежала какая-то закутанная в потрепанную шаль женщина и бросилась к нему, не обращая внимания на протестующие возгласы слуг.

– Хуанильо!.. Хуан!.. Не узнаешь? Да я же Каракола, сенья Долорес, мать бедняжки Лечугеро.

Гальярдо улыбнулся сморщенной темнолицей старушонке, смотревшей на него сверкающими, как угли, глазами – глазами болтливой и злой колдуньи. Заранее зная, к чему ведут все ее разговоры, он машинально потянулся рукой к карману.

– Беда, сынок! Все голод да нищета! Как узнала я, что ты приехал, сразу сказала себе: «Пойду-ка я к Хуанильо, не забыл же он мать своего бедного дружочка...» Но какой же ты красавчик! Женщины, поди, так и бегают за тобой... А у меня плохи дела, сынок. Рубашки – и той на теле нету. С утра только и пропустила, что глоточек касальи. Меня из милости держат в заведении Пепоны – мы с ней землячки. Очень приличное заведение: плата пять дуру. Покажись только там, тебя и не выпустят. Я причесываю девиц и прислуживаю господам... Ах! Был бы жив мой сынок! Помнишь Пепильо?.. Помнишь тот вечер, когда он помер?..

Гальярдо сунул дуру в ее иссохшую руку, порываясь бежать от старческой болтовни, в которой уже слышалось приближение слез. Проклятая ведьма! В день корриды напоминать ему о бедняге Лечугеро, товарище юности, который на его глазах умер почти мгновенно, сраженный ударом рога в самое сердце... Это было в Лебрихе, где оба они участвовали в бое молодых бычков. Принесет ему несчастье эта старуха!.. Он слегка оттолкнул ее, а она, с птичьей непоследовательностью перейдя от умиления к восторгу, принялась восхвалять отважных ребят, славных тореро, которые похищают у публики деньги, а у женщин – сердца.

– Королевы Испании ты достоин, мой красавчик! Пусть сенья Кармен держит ухо остро. Того и гляди утащит тебя какая-нибудь бабенка. Дашь мне билетик на вечер, Хуанильо? Уж как хочется посмотреть тебя на арене!..

Отельная прислуга хохотала над восторженными воплями старухи, и суровый запрет, державший за входной дверью толпу зевак и попрошайек, привлеченных приездом тореро, был сломлен. В вестибюль, расталкивая слуг, потоком хлынули нищие, бродяги и продавцы газет.

Оборванцы с пачками газет под мышкой срывали с себя шапки, дружески приветствуя матадора:

– Гальярдо! Оле, Гальярдо! Да здравствуют храбрецы!

Самые бойкие хватили его за руку, сжимали и трясли ее изо всех сил, стремясь подольше протянуть общение с национальным героем, портреты которого были напечатаны во всех газетах. Желая приобщить к славе и товарищей, счастливыцы настойчиво их уговаривали:

– Пожми ему руку! Он не обижается! Он славный малый!..

В порыве восторга они готовы были броситься перед матадором на колени. Другие поклонники, небритые, в потрепанных, когда-то элегантных костюмах, топтались в рваных башмаках вокруг общего кумира и, снимая засаленные шляпы, обращались к нему шепотом, называя его дон Хуан, чтобы отличиться от этого восторженного, непочтительного сброда. Жалуясь на нищету, они выпрашивали у матадора подачку, а более смелые, выдавая себя за любителей, просили у него билетик на корриду с намерением тут же продать его.

Гальярдо со смехом отбивался от навалившейся на него лавины – прислуга не решалась освободить его, испытывая невольное почтение к такой популярности. Он опустошил все карманы, раздавая и разбрасывая наудачу серебряные монеты.

– Все. Уголь кончился! Выпустите меня, ребята!

Притворяясь рассерженным, хотя в действительности преклонение только льстило ему, он одним движением сильных плеч расчистил себе путь и спасся бегством, перескакивая через ступени лестницы с ловкостью подлинного тореро. Слуги, освободясь от сковывавшей их почтительности, вытолкали толпу на улицу.

Гальярдо прошел мимо помещения, которое занимал Гарабато, и заглянул в приоткрытую дверь. Слуга рылся в сундуках и чемоданах, выбирая костюм к предстоящей корриде.

Войдя в свою комнату, Гальярдо сразу почувствовал, как улечивается радостное возбуждение, вызванное в нем нашествием поклонников. Наступал самый мучительный момент: томительная неуверенность последних часов перед выходом на арену. Миурские быки и мадридская публика!.. Непосредственная опасность всегда опьяняла Гальярдо, еще усиливая его отвагу; но теперь, когда он был один, опасность угнетала его как нечто сверхъестественное, пугающее своей неизвестностью.

Он почувствовал себя обессиленным, словно на него внезапно обрушилась вся усталость прошлой бессонной ночи. Ему захотелось броситься на одну из кроватей, стоявших в глубине комнаты, но тут же тревога перед тем таинственным и неведомым, что ожидало его через несколько часов, разогнала набегавший сон.

Он беспокойно прошелся по комнате и закурил новую сигару от только что брошенного окурка.

Как-то пройдет для него этот сезон в Мадриде? Что будут говорить его враги? Как покажут себя его соперники?.. Он убил немало миурских быков: в конце концов, это такие же быки, как все остальные, но почти все его товарищи, павшие на арене, были жертвами быков этой породы. Проклятые миурцы! Недаром и он и другие матадоры требовали на тысячу песет больше, когда предстояла схватка с миурскими быками.

Гальярдо продолжал в нервном возбуждении бродить по комнате. Бросив бессмысленный взгляд на привычные предметы своего обихода, он остановился и упал в кресло, охваченный внезапной слабостью. Потом снова взглянул на часы. Еще не было двух. Как медленно тянется время!

Хоть бы скорее наступил нас одевания и выезда в цирк! Только это может успокоить взбудораженные нервы. Множество людей, шум, любопытство толпы, желание показаться перед восхищенной публикой спокойным и веселым, а главное, приближение опасности, реальной, ощутимой опасности, – все это мгновенно вытеснит тягостную тревогу, возникающую в одиночестве, когда матадор, не находя поддержки во внешнем возбуждении, испытывает нечто похожее на страх.

Стремясь рассеяться, Гальярдо пошарил во внутреннем кармане сюртука и вместе с бумажником вытащил надушенный конвертик. Стоя у окна, он при неясном свете, проникающем с внутреннего двора, рассматривал адрес на конверте, врученном ему по приезде в отель, и восхищался изысканной красотой тонкого, изящного почерка.

Он вынул из конверта записку и с наслаждением вдохнул невыразимо нежный аромат. О, эти знатные особы, изъездившие весь свет... Их неподражаемое превосходство проявляется во всем, даже в мелочах!..

Гальярдо был известен своим пристрастием к духам, он душился сверх всякой меры, словно желая заглушить въевшийся в тело запах былой нищеты. Его недруги потешались над молодым атлетом, доходя в своих насмешках до сомнения в его мужской силе. Друзья относились к этой прихоти с улыбкой, но порой невольно отворачивались, спасаясь от одуряющего аромата, исходящего матадором. Гальярдо возил с собой целую парфюмерную лавку, и на

арене, среди лошадиных трупов, вывороченных внутренностей и конского навоза, политого кровью, он распространял нежнейший запах женских духов. Кокотки, его поклонницы, с которыми он свел знакомство во время турне по аренам Южной Франции, научили его искусству смешивать и комбинировать различные духи. Но что могло сравниться с ароматом, исходившим от письма, от руки, которая его писала!.. Таинственный, тонкий, неповторимый аромат аристократического тела, «запах знатной дамы», как он называл его!..

Гальярдо читал и перечитывал письмо с блаженной улыбкой восхищения и гордости. Ничего особенного, несколько строк, привет из Севильи, пожелание успеха в Мадриде, поздравление с предстоящей победой. Такое письмо никак не могло скомпрометировать женщину, которая подписалась под ним. Вначале – «Друг мой Гальярдо», изящными буквами, ласкающими глаз тореро, а в конце – «Ваш друг Соль». Холодное, дружеское письмо, с обращением на «вы», написанное в тоне любезного превосходства, точно слова шли не от равного к равному, а милостиво спускались с недостижимой высоты.

Тореро, любуясь письмом с восхищением человека из народа, не очень искушенного в грамоте, все же почувствовал себя слегка уязвленным, – она словно пренебрегала им.

– О, эта женщина! – пробормотал он. – Эта женщина!.. Попробуй пойми ее. Ты говоришь мне «вы»!.. «Вы»!.. И кому? Мне!..

Но тут же приятные воспоминания вызвали у него самодовольную улыбку. Холодный тон она сохраняла только в письмах: привычка знатной дамы, осторожность женщины, повидавшей свет. Обида снова сменилась восхищением.

– Эта женщина знает, что делает! Нелегкая была добыча!..

И в его улыбке проглянуло профессиональное удовлетворение, гордость укротителя, который измеряет свою славу силой побежденного зверя.

Пока Гальярдо любовался письмом, в комнату то и дело входил его слуга Гарабато, принося чемоданы и раскладывая на кровати части туалета.

Молчаливый, ловкий в движениях парень, казалось, не обращал ни малейшего внимания на присутствие матадора. Вот уже несколько лет он сопровождал Гальярдо во всех поездках в качестве слуги и «оруженосца». Было время, он начинал свою карьеру в Севилье, выступая вместе с Гальярдо в любительских корридах, но удары рогов всегда доставались ему, а успех и слава – его товарищу. Гарабато был низкорослый, смуглый, слабосильный паренек; на сморщенном, старообразном лице выделялся белесый, неровно сросшийся шрам – след удара, свалившего его замертво на арене. Под платьем скрывались другие рубцы, изуродовавшие его тело.

Он чудом остался в живых после своих любительских выступлений. Ужасней всего было то, что публика смеялась над его неудачами: ей казалось забавным, что он постоянно попадал под копыта или на рога быку. В конце концов неудачи сломили его бессмысленное упорство, и он примирился с ролью спутника и доверенного слуги при своем старом товарище. Гарабато был одним из самых страстных поклонников Гальярдо, хотя на правах старой дружбы разрешал себе с глазу на глаз замечания и критику по его адресу: будь он на месте маэстро⁵, кое-что он бы сделал получше. Друзья Гальярдо посмеивались над несбывшимися честолюбивыми замыслами бывшего тореро, но Гарабато не обращал внимания на насмешки. Отказаться от боя быков?.. Никогда! Желая сохранить память о прошлом, он зачесывал свои жесткие волосы на уши, а на затылке отращивал длинную прядь, священную колету, хранимую с юных лет, – профессиональный знак, отличающий тореро от прочих смертных.

Когда Гальярдо сердился на слугу, его бурный гнев всегда обрушивался именно на это жалкое украшение:

⁵ *Маэстро* – предводитель квадрильи, матадор.

– И ты еще носишь колету, бессовестный?.. Я тебе оборву этот крысиный хвост, наглец, мошенник!

Гарабато покорно сносил все угрозы, но жестоко мстил за них, замыкаясь в высокомерном молчании и презрительно пожимая плечами, когда маэстро, возвратясь после удачного боя, спрашивал с детским самодовольством:

– Ну, как тебе показалось? Правда, я был хорош?

По старой дружбе слуга сохранил право говорить хозяину «ты». Иначе он не мог к нему обращаться. Но это «ты» всегда сопровождалось почтительными жестами, выражавшими наивное уважение. Простота их отношений напоминала отношения оруженосца и странствующего рыцаря былых времен.

Призвание тореро сочеталось в Гарабато со способностями портнихи и горничной. Лацканы его костюма из английского сукна – подарок хозяина – были утыканы простыми и английскими булавками, а в обшлаге всегда торчало несколько иголок с вдетой ниткой. Сухие смуглые руки по-женски ловко обращались с вещами.

Разложив на кровати принадлежности, необходимые для туалета маэстро, Гарабато проверил, все ли на месте; затем он остановился посреди комнаты и, не глядя на Гальярдо, как бы обращаясь к самому себе, настойчиво произнес хриплым голосом:

– Два часа!

Гальярдо резким движением поднял голову, словно не подозревал до сих пор о присутствии слуги. Он положил письмо в карман и медленно, как бы желая оттянуть момент одевания, направился в глубь комнаты.

– Все готово?

Внезапно его бледное лицо вспыхнуло. Глаза непомерно расширились, словно пораженные страшным зрелищем.

– Ты какой это костюм вытащил?

Гарабато указал на кровать, но, прежде чем он успел произнести слово, гнев маэстро обрушился на него с грозной силой.

– Проклятие! Ты что, дела своего не знаешь? Ослеп, что ли? Выступление в Мадриде, миурские быки, а ты суешь мне красный костюм, какой был на бедном Мануэле, на Эспартеро!⁶ Либо ты мне враг, либо последнюю совесть потерял! Можно подумать, ты моей смерти хочешь, негодяй!..

И гнев его все возрастал, по мере того как он постигал огромное значение этой оплошности, которая похожа была на вызов судьбе. Выступать на мадридской арене в красном костюме после того, что произошло!.. Глаза его метали искры. Можно было подумать, что он получил предательский удар в спину и что его могучие кулаки матадора вот-вот обрушатся на бедного Гарабато.

Робкий стук в дверь прервал эту сцену.

– Войдите.

Вошел молодой человек в светлом костюме и красном галстуке; мягкую шляпу он держал в руке, унизанной бриллиантовыми перстнями. Гальярдо сразу узнал его, – он легко запоминал лица, как всякий человек, постоянно окруженный толпой.

В одно мгновение бешеный гнев сменился любезной улыбкой, и матадор, казалось пораженный радостным удивлением, двинулся навстречу гостю. Это был друг из Бильбао, восторженный любитель, поклонник и приверженец славного тореро. Больше ничего Гальярдо вспомнить не мог. Но как его имя? Столько знакомых! Как же его зовут?.. Единственное, что Гальярдо знал наверняка, это то, что нужно говорить ему «ты», поскольку их связывала давняя дружба.

⁶ Эспартеро – прозвище знаменитого тореро Мануэля Гарсии Куэста (1865–1894).

– Садись... Вот неожиданность! Давно приехал? Как поживает семья?

Поклонник уселся с благоговением верующего, допущенного в святилище кумира, намереваясь не двигаться с места до последней минуты. Он с наслаждением слушал, как маэстро говорит ему «ты», и через каждые два слова называл его Хуаном, чтобы стены, мебель и люди, проходившие по коридору, могли убедиться в его близости с великим человеком. Он приехал из Бильбао утром и завтра же возвращается назад. И все только затем, чтобы посмотреть на Гальярдо. Он читал о его успехах: хорошо начат сезон! Предстоит замечательный день. Он присутствовал сегодня утром при загоне быков в стойла и наметил там одного, темно-рыжего. Вот уж Гальярдо заставит его поплясать!..

Но маэстро с некоторой поспешностью прервал излияния любителя:

– Прошу извинить меня; я сейчас же вернусь.

И, выйдя из комнаты, он направился к дверце без номера в глубине коридора.

– Какой костюм достать? – спросил вдогонку Гарабато голосом, который от его желания выразить покорность стал еще более хриплым, чем обычно.

– Зеленый, табачный, голубой... какой хочешь. – И Гальярдо скрылся за дверцей.

Оставшись один, слуга улыбнулся со злорадным лукавством. Он знал эти поспешные исчезновения перед самым одеванием. «Страх мочу гонит» – как говорят тореро. И в его улыбке выразилось удовлетворение тем, что и великие мастера своего искусства, отважные из отважных, испытывали ту же вызванную волнением настоящую потребность, что, бывало, мучила и его во времена выступлений на аренах маленьких городов.

Когда немало времени спустя Гальярдо вернулся в номер, он нашел там еще одного посетителя. Это был доктор Руис, известный врач, который вот уже тридцать лет подписывал все медицинские акты о несчастных случаях на арене и лечил всех тореро, раненных на мадридской арене.

Гальярдо восхищался доктором, считая его величайшим представителем мировой науки, хотя и позволял себе любовно подтрунивать над его беспредельным добродушием и полным неумением заботиться о себе. Народ признает учеными только не совсем понятных людей, которые своими чудачествами отличаются от остального мира.

Доктор был невысокого роста, плотный, приземистый, с изрядным брюшком. Широкое лицо, приплюснутый нос и редкая желтовато-седая борода всею придавали ему отдаленное сходство с Сократом. Когда он стоял, его объемистый бесформенный живот колыхался под просторным жилетом при каждом произнесенном слове; когда сидел – живот поднимался выше впалой груди. Заношенный, мешковатый, словно с чужого плеча, костюм болтался на его нескладном теле, более приспособленном для пищеварения, чем для физической работы.

– Это святой, – говорил Гальярдо. – Ученый... Он не от мира сего: добр, как господь бог... Никогда у него гроша ломаного не будет. Раздаст все, что имеет, а берет только то, что захотят ему дать.

Жизнь доктора озаряли две великие страсти: революция и бой быков; не вполне определенная, но грозная революция, которая перевернет всю Европу; анархический республиканизм, не очень поддающийся объяснению и понятный лишь в своем разрушительном отрицании. Тореро любили доктора, как отца. Он всем им говорил «ты». И достаточно было послать телеграмму с любого конца Полуострова, чтобы славный доктор немедленно сел в поезд и помчался лечить рану одного из своих «мальчиков», не думая о каком-либо вознаграждении.

Встретившись с Гальярдо после долгой разлуки, доктор обнял его, прижавшись мягким животом к его телу, казалось отлитому из бронзы. Оле, славные ребята! Он нашел, что матадор выглядит прекрасно.

– А как дела с республикой, доктор? Еще не пришло время? – спросил Гальярдо с андалузским лукавством. – Насиональ говорит, она совсем близко: ждем со дня на день.

– А тебе что до нее, насмешник? Оставь в покое бедного Насионаля. Пусть бы он только получше всаживал бандерильи⁷. А твое дело разить быков, как сам господь бог... Хороший денек предстоит! Мне говорили, что быки...

Но тут молодой человек, видевший, как загоняли быков в стойла, и желавший поделиться впечатлениями, прервал доктора, чтобы рассказать о темно-рыжем, который «сразу бросился ему в глаза», – о, от него нужно ждать многого! Оба гостя, которые, обменявшись приветствиями, молча ждали появления хозяина, теперь заговорили одновременно, и Гальярдо счел нужным представить их друг другу. Но как же все-таки звали этого приятеля, с которым он на «ты»? Матадор почесал затылок, и задумавшись, сдвинул брови. Однако его замешательство продолжалось недолго.

– Послушай, как тебя зовут? Прости... Знаешь, сколько народа!

Молодой человек назвал себя, скрыв под понимающей улыбкой разочарование: маэстро забыл его. Услышав имя, Гальярдо сразу вспомнил и загладил свою рассеянность, добавив: «богатый шахтовладелец из Бильбао». Затем он представил «знаменитого доктора Руиса», и оба, увлеченные общей страстью, принялись беседовать о сегодняшних быках, словно были знакомы всю жизнь.

– Садитесь, – сказал Гальярдо, указывая на диван в глубине комнаты, – здесь вы не помещаете. Разговаривайте и не обращайтесь на меня внимания. Я буду одеваться. Мне кажется, между мужчинами...

Гальярдо сбросил костюм и остался в одном белье. Усевшись на стул под аркой, отделявшей салон от алькова, он отдал себя в руки Гарабато, который, раскрыв чемодан из русской кожи, достал оттуда изящный, почти дамский несессер.

Хотя маэстро был тщательно выбрит, слуга снова намылил ему лицо и принялся водить бритвой по щекам с ловкостью человека, каждый день проделывающего одну и ту же работу. Умывшись, Гальярдо вернулся на свое место. Гарабато смочил ему волосы одеколоном и бриллиантинном и зачесал их завитками на лоб и на виски; затем принялся приводить в порядок отличительный знак профессии – священную косичку.

Он почтительно расчесал длинную прядь, венчающую затылок маэстро, заплел ее и закрепил двумя заколками на макушке, отложив пока окончательную отделку. Теперь надо было заняться ногами; Гарабато снял с матадора носки, оставив его только в шелковых кальсонах и рубашке.

Могучая мускулатура Гальярдо рельефно выделялась под тонким бельем. Выемка на ляжке обозначала место глубокого шрама – кусок мяса был вырван рогом быка. На темной коже рук резко белели отметины – следы давнишних ударов. Смуглая безволосая грудь была накрест пересечена двумя неровными фиолетовыми рубцами – тоже память о кровавых ранах. На одной из щиколоток синела впадина, словно выбитая круглым штампом. От могучего торса бойца исходил запах здорового, чистого тела, смешанный с сильным ароматом женских духов.

Гарабато, прихватив охапку ваты и белых бинтов, опустился на колени у ног маэстро.

– Античный гладиатор! – воскликнул доктор Руис, прервав беседу. – Ты сложен, как римлянин, Хуан.

– Возраст, доктор, – несколько меланхолически возразил матадор. – Стареем. Когда я боролся и с быками и с голодом, ничего этого не требовалось, ноги были крепче железа.

Гарабато заложил клочки ваты между пальцев маэстро, обернул ватой ступни и ноги до колен и принялся бинтовать их, укладывая бинты плотно прилегающими спиралями, напоми-

⁷ *Бандерилья* (исп. *banderilla* – уменьшительное от *bandera* (знамя) – небольшое копье (60–70 см) с крючком на конце, которое вонзают в быка, чтобы его раздражить; бандерилью украшают цветами флагов Испании или Андалусии, отчего копье и получило свое название.

нающими оболочку египетских мумий. Чтобы закрепить повязку, он воспользовался воткнутыми в обшлаг иголками и тщательно сшил концы бинтов.

Гальярдо потопал по полу плотно забинтованными ногами – в мягком покрове они казались еще более сильными и ловкими. Слуга натянул на матадора длинные, доходившие до середины ляжек чулки, толстые и эластичные, как гетры, – это была единственная защита для ног под шелком боевого костюма.

– Смотри, Гарабато, чтобы ни морщинки... Не люблю, когда висит мешком.

И, повертевшись перед зеркалом, чтобы увидеть себя со всех сторон, Гальярдо нагнулся и сам провел руками по чулкам, расправляя складки. Поверх белых чулок Гарабато надел на него розовые шелковые – они уже оставались в костюме тореро на виду. Затем Гальярдо сунул ноги в башмаки, выбрав из нескольких пар, которые Гарабато расставил на чемодане, – все на белой подошве и совершенно новые.

Теперь только по-настоящему началось одевание. Слуга подал матадору шелковые панталоны табачного цвета с тяжелым золотым шитьем по боковым швам. Гальярдо натянул их, не завязывая идущие по низу штанин толстые шнуры, с золотыми кистями на свисающих концах. Эти шнуры, которые стягивают панталоны под коленями, вызывая искусственный прилив крови к ногам, называются скрепами.

Гальярдо велел слуге затянуть шнуры потуже и в то же самое время изо всех сил напряг мышцы ног. Эта операция была одной из самых важных. Скрепы у матадора должны быть пригнаны безукоризненно. И Гарабато, плотно обмотав шнуры вокруг ноги, скрыл их под штанинами, ловко превратив золотые кисти в небольшие подвески.

Маэстро сунул голову в легкую батистовую рубашку с гофрированной грудью, тонкую и прозрачную, словно женское белье. Гарабато застегнул ее и повязал матадору широкий галстук, красной чертой разделивший всю грудь до самой талии. Осталась наиболее сложная часть туалета – фаха, широкая шелковая полоса, длиной чуть не в четыре метра, которая, казалось, заполнила всю комнату, когда Гарабато развернул ее одним ловким движением.

Гальярдо встал в глубине комнаты, подле своих друзей, и закрепил у пояса один конец ленты.

– Теперь внимание, – сказал он слуге. – Показывай свое искусство.

И матадор стал медленно вращаться на каблуках, приближаясь к слуге, а лента, которую тот поддерживал, укладывалась правильными кругами, придавая талии необычайную стройность.

Быстрыми, ловкими движениями Гарабато изменял положение шелковой полосы. При некоторых поворотах фаха складывалась вдвое, при других расправлялась вокруг талии матадора как влитая, без единой складочки или морщинки. Иногда Гальярдо, капризный и придирчивый во всем, что касалось его внешности, останавливался и делал несколько оборотов назад, исправляя какой-нибудь промах.

– Плохо лежит, – бормотал он сердито. – Будь она проклята! Внимательней, Гарабато!

Но вот, после бесчисленных остановок, Гальярдо добрался до конца, намотав вокруг талии всю шелковую полосу. Проворный слуга сшил и сколол булавками вокруг тела маэстро все части туалета, превратив их в единое целое. Теперь, чтобы освободиться от платья, тореро придется прибегнуть к ножницам и к посторонней помощи. До возвращения в отель он не сможет снять ни одну часть костюма, если только этого не сделает посреди арены бык, после чего раздевание закончится уже в госпитале.

Гальярдо снова сел, и Гарабато занялся колетой. Он освободил ее от заколок и сплел вместе с пучком лент, украшенным черной кокардой и напоминавшим вышедшую из употребления сетку давних времен тавромахии.

Словно желая оттянуть момент окончательного завершения туалета, маэстро потянулся, попросил Гарабато подать оставленную на ночном столике сигару и справился о времени, – ему казалось, что все часы спешат.

– Еще рано... Да и ребята не приехали... Не люблю являться в цирк спозаранку. Так надоедают, пока там ждешь!..

Вошедший лакей доложил, что карета с квадрилей⁸ дожидается внизу.

Теперь пора. Больше не было предлога оттягивать момент отъезда. Поверх красного пояса Гальярдо надел жилет, обшитый золотой бахромой, а на него – сияющую ослепительным шитьем куртку, тяжелую, как рыцарские латы, и сверкающую, как пламя. Табачного цвета шелк был виден только на внутренней части рукавов и выделялся двумя треугольниками на спине. Вся куртка была заткана золотыми цветами с венчиками из сверкающих разноцветных камней. Тяжелые наплечники, обрамленные золотой канителью, состояли из сплошного золотого шитья.

Плотная золотая бахрома, идущая по краям куртки, трепетала и переливалась при каждом движении. Из отделанных золотом карманов выглядывали кончики двух шелковых платков, таких же красных, как галстук и пояс.

– Шапку!

Из овальной коробки Гарабато с величайшими предосторожностями вытащил головной убор матадора – черный колпак с двумя свисающими по бокам золотыми кистями. Гальярдо надел его, стараясь не сдвинуть косичку, висевшую точно посреди спины.

– Плащ!

Гарабато снял со стула так называемый выходной, или парадный, плащ, настоящую королевскую мантию, того же цвета, что и весь костюм, и также расшитую золотом. Гальярдо перебросил плащ через плечо и, взглянув в зеркало, остался доволен проделанной работой. Он выглядел неплохо!.. В путь!

Оба друга поспешно распрощались с матадором, чтобы нанять экипаж и поехать вслед за ним. Гарабато сунул под мышку сверток красной материи, из которого выглядывали рукояти и острия шпаг.

Спустившись в вестибюль, Гальярдо увидел сквозь прямоугольник раскрытой двери, что улица перед отелем запружена народом, как в дни необычайных событий. Издали до него донесся гул огромной толпы, скрытой от его глаз.

Хозяин отеля и все его семейство бросились к Гальярдо, словно провожая его в дальний путь.

– Желаем удачи! Все будет хорошо!

Слуги, в порыве волнения и восторга позабыв о разделяющей их дистанции, пожимали матадору руку.

– Доброй удачи, дон Хуан!

А он поворачивался во все стороны, улыбаясь и не обращая внимания на встревоженные лица женщин:

– Спасибо, большое спасибо. До скорого свидания.

Гальярдо был неузнаваем. Как только он перебросил через плечо свой сверкающий плащ, беззаботная улыбка озарила его лицо. Он был бледен несколько болезненной бледностью, на лбу его проступала испарина, но он смеялся, радуясь тому, что живет, что шагает навстречу публике, и проникался новым настроением с легкостью человека, который нуждается в позе, чтобы показаться перед толпой.

⁸ Квадрилья (или *куадрилья*) – команда матадора, помогающая ему на арене и отвлекающая от матадора быка в случае опасности.

Гальярдо гордо выступал впереди, посасывая сигару, которую держал в левой руке; он шагал твердо, покачивая бедрами под своим великолепным плащом и поглядывая вокруг с тщеславным самодовольством красивого парня.

– Полно, кабальеро... Дайте пройти! Спасибо, большое спасибо.

И, стараясь уберечь костюм от прикосновения грязных рук, он прокладывал себе дорогу среди толпы оборванцев и зевак, скопившихся у дверей отеля. Не имея денег, чтобы пойти на корриду, они добивались счастья пожать руку знаменитому Гальярдо или хотя бы дотронуться до его одежды.

У тротуара стояла карета, запряженная четырьмя мулами в нарядной сбруе, украшенной бубенцами и позументами. Гарабато уже взобрался на козлы со своей связкой мулет⁹ и шпаг. В карете, держа плащи на коленях, сидели трое тореро в ярких костюмах, расшитых так же пышно, как костюм маэстро, но только не золотом, а серебром.

Гальярдо, пробившись сквозь ликующую толпу, вскочил на подножку кареты, чувствуя, как его поднимают вверх упершиеся в спину руки восторженных поклонников.

– Добрый день, кабальеро! – кратко приветствовал он свою квадрилью.

Он уселся позади, рядом с дверцей, чтобы все могли его видеть, и, улыбнувшись, кивнул головой в ответ на возгласы каких-то оборванных женщин и аплодисменты мальчишек-газетчиков.

Могучие мулы рванули с места карету, наполнив улицу веселым звоном бубенцов. Толпа раздалась, пропуская упряжку, но многие бросились к экипажу, словно желая погибнуть под его колесами. Над головами колыхались шляпы и трости; трепет восхищения пробежал по толпе; обезумевшие от восторга люди кричали, не помня себя:

– Оле, храбрецы!.. Да здравствует Испания!

Бледный, улыбающийся Гальярдо кланялся, поминутно повторяя «спасибо, спасибо», взволнованный силой народного восторга, гордый тем, что его имя соединяют с именем родины.

Орава оборванных, босоногих мальчишек мчалась со всех ног вслед за каретой, будто в конце этой бешеной скачки их ожидала необыкновенная награда.

Вот уже целый час по улице Алькала двигался поток экипажей, зажатый, словно между двух берегов, двумя толпами пешеходов, направлявшихся к окраине города. Все средства передвижения, от древнего дилижанса до современного автомобиля, были представлены в этой шумной беспорядочной лавине. Люди висели гроздьями на подножках переполненных трамваев. На углу улицы Севильи омнибусы поджидали пассажиров, и кондукторы, стоя на империале, выкрикивали на все голоса: «В цирк! В цирк!» Трусили, позванивая бубенцами, разукрашенные мулы, запряженные в открытые коляски. На подушках колясок сидели женщины в белых мантильях, с красными цветами в волосах. Поминутно раздавались испуганные восклицания; из-под колес то и дело выскакивал с обезьяньей ловкостью какой-нибудь шальной мальчишка, перебегавший с одной стороны улицы на другую, состязаясь в быстроте с экипажами. Гудели рожки автомобилей; кричали кучера; газетчики надрывались, предлагая листки с фотографиями и описанием предназначенных к бою быков или портреты и биографии знаменитых тореро. Время от времени глухой ропот толпы разражался взрывом возгласов. Среди одетых в черное конных муниципальных гвардейцев мелькали пестрые всадники на тощих клячах. Их костюм состоял из желтых кожаных рейтуз, шитых золотом курток и широкополых фетровых шляп, украшенных толстой кистью наподобие кокарды. Это были пикадоры¹⁰, суровые всадники с грубой внешностью. На крупах лошадей, держась за высокое мавританское

⁹ *Мулета* – палка с куском ярко-красной ткани, используется в заключительной части боя с быком; мулета скрывает шпагу, также используется для того, чтобы привлечь внимание быка и заставить его наклонить голову.

¹⁰ *Пикадор* – один из участников квадрильи матадора; на арене два пикадора появляются верхом на лошадях, их задача – колоть пикой быка в загривок, чтобы еще сильнее раззадорить животное.

седло, сидели, словно какие-то черти в красном, так называемые ученые обезьяны – служители, которые приводят лошадей к дому пикадора.

Квадрильи проезжали в открытых каретах, и золотое шитье на костюмах тореро ослепительно сияло в лучах вечернего солнца, вызывая восторг толпы. «Это Фуэнтес». «А вон Бомба». И зеваки, радуясь, что узнали своих героев, жадными глазами следили за удаляющимся экипажем, словно ожидали какого-то чуда и боялись пропустить его.

С верхней части улицы Алькала виден был весь прямой широкий путь, ослепительно-белые стены домов, ряды зеленеющих на весеннем ветру деревьев, черные от множества зрителей балконы и мостовая, почти сплошь залитая волнующейся толпой и потоком экипажей, спускавшихся к фонтану Кибелы. Отсюда улица вновь шла вверх меж двух рядов деревьев и высоких зданий, а еще дальше перспективу замыкала триумфальная арка ворот Алькала, белой громадой выделяясь на голубом просторе неба с проплывающими, словно одинокие лебеди, легкими облаками.

Гальярдо молча сидел на своем месте, отвечая толпе застывшей улыбкой. После того как он поздоровался с бандерильеро¹¹, он не произнес ни слова. Товарищи его, измученные тревогой и ожиданием, тоже были бледны и молчаливы. В своем кругу тореро не заботились о показной веселости, необходимой перед лицом публики.

Можно было подумать, что какой-то таинственный голос предупреждал толпу о продвижении последней квадрильи, направлявшейся к цирку. Зеваки, бежавшие за каретой с криками «Гальярдо!», постепенно отставали, теряясь среди экипажей, но все же пешеходы поворачивали головы, словно чувствуя за своей спиной приближение знаменитого тореро, и выстраивались вдоль тротуара, чтобы получше рассмотреть его.

Женщины в катившихся далеко впереди колясках тоже поворачивали головы, привлеченные звоном бубенцов. Нестройный гул восторженных восклицаний раздавался то в одной, то в другой группе пешеходов; кто размахивал шляпой, кто в знак приветствия поднимал вверх трость.

Гальярдо всем отвечал заученной улыбкой, но, казалось, был занят своими мыслями. Рядом с ним сидел бандерильеро Насиональ – надежный друг, старше его на десять лет, суровый человек с насупленными бровями и медлительными движениями. Среди тореро он был известен своей добротой, честностью и пристрастием к политике.

– На Мадрид тебе не придется жаловаться, Хуан, – произнес Насиональ. – С публикой ты, видно, поладил.

Гальярдо, словно не слыша этих слов или просто желая высказать мучившую его мысль, ответил:

– Чует мое сердце, сегодня случится худое.

Поравнявшись с фонтаном Кибелы, карета остановилась. От Прадо к бульвару Кастельяна спускалась пышная похоронная процессия, перерезав пополам лавину экипажей, двигавшуюся по улице Алькала.

Гальярдо побледнел еще больше. Испуганными глазами смотрел он на проплывавший мимо крест и на священников, которые затаили заупокойную молитву, глядя – кто с негодованием, кто с завистью – на всех этих забывших бога людей, думающих только о развлечениях.

Матадор поспешил обнажить голову, и вся квадрилья, кроме Насионаля, последовала его примеру.

– Ах, будь ты проклят! – закричал Гальярдо. – Сними шляпу, висельник!

В ярости он готов был избить Насионаля; предчувствие говорило ему, что эта дерзость навлечет на него величайшие несчастья.

¹¹ Бандерильеро – еще один участник квадрильи, всего их в команде матадора трое; выступают во второй трети корриды, их цель – воткнуть несколько бандерильи в быка.

– Ладно... сниму, – схитрив, как упрямый ребенок, проворчал Насиональ, когда увидел, что крест уже далеко, – сниму... но только перед покойником.

Они долго стояли, пропуская бесконечную процессию.

– Дурная примета, – пробормотал Гальярдо дрожащим от гнева голосом. – И кому пришлось в голову тащить покойника по этой дороге?.. Проклятие!.. Говорил я, что-нибудь да стрясется сегодня.

Насиональ с улыбкой пожал плечами.

– Суеверие и предрассудки! Бог и природа этим не занимаются.

Слова Насионаля, еще больше разозлившие Гальярдо, вывели из мрачной задумчивости остальных тореро, и они принялись потешаться над товарищем и его излюбленным выражением «бог и природа».

Как только путь очистился, мулы помчались во весь опор, и карета двинулась дальше, обгоняя другие направлявшиеся к цирку экипажи. Достигнув цели, карета свернула налево и остановилась у так называемых Конюшенных ворот, которые вели к загонам и конюшням. До ворот пришлось продвигаться шагом среди густой толпы. Снова овации в честь Гальярдо, едва тот вышел из кареты в сопровождении квадрилы. Снова нужно беречь платье от грязи, приветливо улыбаться и прятать правую руку от всех желающих пожать ее.

– Дорогу кабальеро! Спасибо, спасибо!

Огромный двор, расположенный между амфитеатром и стеной, окружающей подсобные помещения, был запружен публикой; прежде чем занять места, зрители хотели посмотреть на всех тореро вблизи. Над толпой возвышались конные пикадоры и альгвасилы в костюмах семнадцатого века. По одну сторону двора тянулись одноэтажные кирпичные здания с навесами из вьющихся растений над дверьми, с цветами на окнах – целый городок: конторы, мастерские, конюшни, дома, в которых жили конюхи, плотники и другие служители цирка.

Матадор с трудом прокладывал себе путь среди толпы. Его имя несло из уст в уста, вызывая бурю восторга:

– Гальярдо!.. Идет Гальярдо! Оле! Да здравствует Испания!

А он, упоенный преклонением публики, выступал с гордо поднятой головой, спокойный как бог, веселый и довольный, словно присутствовал на празднике в свою честь.

Чьи-то руки обвили вокруг его шеи, и запах винного перегара ударил ему в нос.

– Молодчина! Красавец! Да здравствуют храбрецы!

Это был благообразный господин, добрый буржуа, завтракавший в компании и сбежавший из-под надзора друзей, которые, посмеиваясь, наблюдали за ним издали. Он склонил голову на плечо матадору и замер в восхищении, словно собирался уснуть в этой позе навеки. Друзья оттащили его, освободив отбивавшегося Гальярдо от нескончаемого объятия. Пьяный, увидев, что его оторвали от кумира, разразился восторженными воплями. Да здравствуют мужчины! Пусть придут сюда все народы мира, посмотрят на такого тореро и умрут от зависти!

– Есть у них корабли... есть деньги... Но все это ерунда! Нет у них ни быков, ни таких отважных ребят... Оле, мой мальчик! Да здравствует родина!

Гальярдо пересек большой побеленный зал, в котором собрались уже его товарищи по ремеслу, окруженные группами поклонников. Пройдя через публику, столпившуюся у одной из дверей, он вошел в тесную темную комнатку, в глубине которой мерцал свет. Это была часовня. Статуя Богоматери с голубем занимала переднюю часть алтаря. На столике горели четыре свечи. Пыльные, изъеденные молюю веточки искусственных цветов стояли в простой фаянсовой вазе.

Часовня была битком набита любителями из простонародья, стремившимися получше рассмотреть великих людей. Они толпились в темноте, с обнаженными головами, кто сидя на корточках в первых рядах, кто взобравшись на скамьи и стулья, и почти все повернулись

спиной к Пресвятой Деве. Устремив нетерпеливые взоры на дверь, они выкрикивали имена вошедших, едва завидев блеск расшитой золотом одежды.

Бедняги бандерильеро и пикадоры, которые так же рисковали жизнью, как матадоры, вызывали при своем появлении лишь легкий шепот. Только самые страстные любители знали их имена.

Но вот раздался дружный гул, все повторяли одно и то же имя:

– Фуэнтес!.. Это Фуэнтес!

Стройный, изящный тореро, перебросив плащ через плечо, приблизился к алтарю и, сверкнув белками цыганских глаз, с театральной торжественностью преклонил колено, откинув назад свой сильный и гибкий стан. Произнес молитву и перекрестясь, он встал и, по-прежнему повернувшись спиной к двери, двинулся к выходу, не отводя глаз от статуи, точно тенор, который уходит со сцены, раскланиваясь с публикой.

Гальярдо был проще в выражении своих чувств. Он вошел со шляпой в руке, подобрав плащ, выступая не менее гордо, чем Фуэнтес, но, подойдя к статуе, опустил на оба колена и отдался молитве, позабыв о сотне устремленных на него глаз. Его бесхитростная христианская душа трепетала от страха и раскаяния. Он молил о защите с жаркой верой простодушного человека, живущего под постоянной угрозой смерти, колеблемо верящего в дурной глаз и покровительство сверхъестественных сил. В первый раз за весь день он подумал о жене и о матери. Бедная Кармен в Севилье ждет его телеграммы! Сеньора Ангустиас спокойно кормит кур во дворе Ринконады и, верно, даже не знает, где выступает сегодня ее сын! А его мучит страшное предчувствие, что сегодня вечером случится несчастье!.. Пресвятая Дева с голубем! Защити и помилуй. Он будет хорошим, забудет все дурное, будет жить, как велит господь.

И, укрепив свой суеверный дух этим беспредметным раскаянием, он вышел из часовни растроганный, с затуманенным взором, не видя преграждавших ему дорогу людей.

В комнате, где собирались ожидавшие выхода тореро, Гальярдо поклонился какой-то гладко выбритый человек в черном, явно стесняющем его костюме.

– Дурная примета! – пробормотал тореро. – Недаром я говорил, что сегодня добра не будет.

Это был цирковой священник, страстный любитель тавромахии. Пряча Святые Дары под сюртуком, он приходил из квартала Проспериада в сопровождении соседа, который соглашался ему прислуживать за билет на корриду. Долгие годы он боролся с приходом, который был ближе расположен и, следовательно, имел больше прав на служение в часовне цирка. В дни корриды он брал наемную карету, которую оплачивала дирекция, прятал под светской одеждой чашу со Святыми Дарами и, выбрав среди своих друзей и подопечных подходящего служку, отправлялся в цирк, где ему оставляли два места в первом ряду, возле ворот, ведущих в бычий загон.

Священник с хозяйским видом вошел в часовню и ужаснулся поведению публики; все, правда, сняли головные уборы, но разговаривали в полный голос, а некоторые даже курили.

– Кабальеро, здесь не кафе. Прошу вас выйти. Коррида вот-вот начнется.

Услышав эту весть, публика быстро разошлась. Священник вынул спрятанные дары, сложил их в расписной деревянный ларец и, едва успев запереть священную ношу, почти бегом бросился в амфитеатр, чтобы занять место до выхода квадрилий.

Толпа рассеялась. Во дворе остались только разодетые в шелк и парчу тореро, желтые всадники в широкополых шляпах, конные алыгвасилы и служители в голубых с золотом костюмах.

Неподалеку от Конюшенных ворот, под аркой, ведущей на арену, в привычном порядке выстраивались тореро: матадоры впереди, за ними, на изрядном расстоянии, бандерильеро, а дальше, уже посреди двора, распространяя запах разогретой кожи и навоза, топтался арьергард – суровый и угрюмый отряд пикадоров, сидящих на скелетоподобных клячах с повязкой на

одном глазу. Сзади, словно обоз этой армии, расположились упряжки сильных, норовистых мулов с лоснящейся шерстью, в украшенных кистями и бубенцами пополах, с прикрепленными к хомутам развевающимися флажками национальных цветов, – мулы должны увозить с арены убитых быков.

Из-под свода арки, над загораживающими ее до половины деревянными воротами, виднелся кусок ослепительно-синего неба, сияющего над ареной, и часть амфитеатра, заполненного плотной беспокойной толпой, над которой разноцветными бабочками трепетали веера и газеты.

Мощное дуновение, подобное дыханию огромных легких, проникало под арку. С волной воздуха доносился мелодичный гул, в котором скорей угадывалась, чем слышалась, отдаленная музыка.

По краям арочных ворот выглядывали человеческие головы, множество голов: зрители, сидевшие по обе стороны арки, перевешивались через перила, сгорая от нетерпения поскорее увидеть героев.

Гальярдо встал в ряд вместе с двумя другими матадорами, обменявшись с ними торжественными поклонами. Они не разговаривали и не улыбались. Каждый думал о своем, уносясь воображением далеко отсюда, или вовсе не думал, поглощенный волнением. Внешне тревога проявлялась лишь в том, что тореро непрерывно оправляли свои плащи, – занятие, которое можно было продолжать бесконечно. Они перебрасывали плащ через плечо, обвертывали один конец вокруг пояса, стараясь, чтобы сверкающая мантия не закрывала ловких, сильных ног, затянутых в шелк и золото. Их бледные лица блестели от пота. Все думали о скрытой от их глаз арене, испытывая неодолимый страх перед тем, что происходит по ту сторону стены, страх перед неведомым, перед притаившейся опасностью. Как-то закончится день?

Позади квадрилий раздался цокот копыт лошадей, скакавших от внешних аркад цирка: два алыгвасила в коротких черных плащах и в лакированных шляпах с развевающимися красными и желтыми перьями, закончив объезд арены и очистив ее от любопытных, проскакали на свое место во главе квадрилий.

Но вот ворота, замыкающие арку, и ворота внутреннего барьера распахнулись настежь. Глазам открылась правильно очерченная площадь, огромный круг арены, на которой сейчас разыграется трагедия в угоду любителям сильных ощущений, ради потехи четырнадцати тысяч зрителей. Глухой мелодичный гул резко усилился и разразился бурной, веселой музыкой, триумфальным маршем звенящих медных труб, при звуках которого сами собой в воинственном порыве задвигались руки и ноги. Вперед, отважные ребята!

И тореро, зажмурившись от резкой перемены освещения, вышли из тьмы на свет, из молчания, царившего под сводами арки, в оглушительный рев цирка. По ступеням амфитеатра прокатилась волна любопытства, публика вскочила на ноги, чтобы лучше рассмотреть выход квадрилий.

Тореро выступили вперед, сразу уменьшившись в размерах на фоне огромной арены. Они казались блестящими куклами в раззолоченных одеждах, отливавших лиловыми оттенками под лучами солнца. Зрители восхищались их ловкими, красивыми движениями, словно дети, увидевшие чудесную игрушку. Публику охватил один из тех безумных порывов, которые порой приводят в волнение огромные массы людей. Все аплодировали, наиболее восторженные и возбужденные громко кричали, гремела музыка, и среди бурного смятения, прокатившегося по обе стороны входных ворот до самой ложи председателя корриды, с торжественной медлительностью выступали квадрильи, изящными движениями рук и корпуса вознаграждая публику за сдержанность своего шага. Под синим куполом неба метались белые голуби, вспугнутые могучим ревом, исходившим из глубины каменного кратера.

Выйдя на арену, тореро преобразились. Они рисковали жизнью ради чего-то большего, чем деньги. Свои сомнения, свой страх перед неведомым они оставили там, за деревянным

барьером. Теперь они шагали по арене, они увидели публику – начиналась настоящая жизнь. В их простых и суровых сердцах проснулось стремление к славе, желание взять верх над товарищами, гордость своей силой и ловкостью. И в ослеплении они забывали все страхи и проникались неукротимой отвагой.

Гальярдо был неузнаваем. Он вытянулся во весь рост, чтобы казаться еще выше, он шагал с гордой осанкой победителя, бросая вокруг торжествующие взгляды, словно обоих его товарищей и не существовало. Все принадлежало ему: арена и публика. Он чувствовал себя способным убить всех быков, пасущихся на пастбищах Андалузии и Кастилии. Все аплодисменты неслись к нему – в этом он был уверен. Тысячи женских глаз из-под белых мантилий устремлялись только на его особу – тут не было сомнений. Публика обожала его, и, горделиво улыбаясь, словно все овации относились к нему одному, он озирает ступени амфитеатра, угадывая, где скопились самые большие группы его приверженцев, и стараясь не замечать поклонников других матадоров.

Тореро, держа шляпы в руке, приветствовали председателя, и блестящий кортеж распался; пешие и конные разошлись в разные стороны. Пока альгвасил ловил в шляпу брошенный председателем ключ, Гальярдо направился к первому ряду, где сидели самые горячие его поклонники, и отдал им на хранение свой роскошный плащ. Множество рук подхватило переливающуюся огнями мантию и растянуло ее по барьеру, словно священный символ сообщества.

Наиболее восторженные, вскочив на ноги, махали руками и тростями, приветствуя матадора и выражая свои надежды. Покажи себя, дитя Севильи!..

А он, опершись на барьер, удовлетворенно улыбался и всем отвечал:

– Большое спасибо. Сделаю все, что смогу.

Но не только приверженцы оживлялись при виде Гальярдо. Вся публика не сводила с него глаз в надежде на сильные переживания. От этого тореро можно было ждать подвигов! Но такие подвиги вели к больничной койке...

Все были уверены, что Гальярдо суждено умереть на арене от рогов быка, и именно эта уверенность заставляла публику аплодировать ему с кровожадным восторгом, – так мизантроп следит с жестоким интересом за работой укротителя, дожидаясь часа, когда звери наконец разорвут его.

Гальярдо издевался над старыми любителями, над почтенными докторами тавромахии, которые считали невозможной неудачу, если тореро следует правилам искусства. Правила! Он не знал их, да и не стремился узнать. Мужество и отвага – вот что нужно для победы. И почти вслепую, руководясь одним лишь бесстрашием, пользуясь только природным совершенством своего тела, он сделал стремительную карьеру, ошеломив публику, поразив ее храбростью, граничащей с безумием.

Он не шел обычным путем, как другие матадоры, годами работавшие подручными и бандерильеро бок о бок с прославленными маэстро. Рог быка не пугал его: «Нет рогов злее, чем у голода». Главное – вознестись сразу. И, сразу став матадором, он в несколько лет завоевал небывалую популярность.

Гальярдо обожали именно потому, что считали его гибель неизбежной. Люди загорались неизменным восторгом перед его слепым презрением к смерти. Он возбуждал такое же внимание и тревогу, как преступник, приговоренный к казни. Этот тореро был не из тех, кто бережет себя: он отдавал все, вплоть до жизни. Он стоил тех денег, что ему платили. И толпа со звериной жестокостью наблюдателя, сидящего в безопасном месте, поощряла и подстрекала героя. Осторожные качали головой при виде его подвигов и бормотали: «Пока еще держится!..» Гальярдо казался им удачливой самоубийцей.

Зазвучали барабаны и трубы, на арену вышел первый бык. Гальярдо, перебросив через руку красный плащ без единого украшения, с пренебрежительным видом стоял у барьера,

неподалеку от мест, занятых его поклонниками. Этот бык предназначен другому матадору; он покажет себя, когда придет его черед. Однако аплодисменты, награждавшие каждый удачный взмах плаща, вывели Гальярдо из неподвижности, и, несмотря на принятое решение, он направился к быку и начал дразнить его, выказывая больше отваги, чем мастерства. Весь амфитеатр разразился рукоплесканиями, – публике нравилась его дерзость.

Когда Фуэнтес убил первого быка и, приветствуя зрителей, направился к ложе президента, Гальярдо побледнел еще больше: каждый знак одобрения, обращенный к другому, казался ему оскорблением. Теперь настал его черед. Будет на что посмотреть! Что именно он покажет, Гальярдо сам точно не знал, но он твердо намеревался поразить публику.

Едва появился второй бык, Гальярдо, казалось, заполнил собой всю арену. Его плащ летал у самой морды животного. Когда один из пикадоров его квадрильи, по кличке Потaxe, был сброшен с лошади и его незащищенное тело распростерлось перед рогами быка, маэстро схватил быка за хвост и с геркулесовой силой повернул его так, что всадник оказался вне опасности. Публика неистово аплодировала.

Во время выхода бандерильеро Гальярдо стоял между барьерами, ожидая сигнала к выходу матадора. Насиональ с бандерильями в руках дразнил быка в самом центре арены. В его движениях не было ни изящества, ни дерзкой отваги: «Надо зарабатывать свой хлеб». В Севилье у него остались четверо малышей, и, если он умрет, другого отца они себе не найдут! Он выполнял свой долг, и все тут: всаживал бандерильи, словно поденщик тавромахии, не добиваясь оваций и избегая свистков.

Когда он всадил первую пару, часть публики зааплодировала, другие насмешливо закричали, намекая на идеи бандерильеро:

– Подальше от политики, поближе к быку!

А Насиональ, не расслышав издали, ответил с улыбкой, как и его маэстро:

– Спасибо, спасибо!

Когда под звуки труб и барабанов, возвещавших о последнем выходе, Гальярдо снова появился на арене, по толпе пробежал взволнованный ропот. Это был ее матадор! Теперь будет на что посмотреть.

Гальярдо взял свернутую мулету, которую Гарабато подал ему через барьер, выбрал одну из предложенных слугой шпаг и, медленно направившись к ложе председателя, остановился перед ней, держа шляпу в поднятой руке. Зрители вытягивали шеи, пожирая своего кумира глазами, но никто не услышал, что он сказал.

Стройная фигура с гибкой талией и гордо откинутым назад торсом произвела на публику большее впечатление, чем самые красноречивые слова. Когда, закончив речь, Гальярдо сделал поворот и бросил шляпу на песок, грянули восторженные аплодисменты. Оле, сын Севильи! Сейчас мы увидим настоящее мастерство! И зрители переглядывались, безмолвно обещая друг другу невиданные чудеса. По ступеням амфитеатра пробежал трепет, словно в предчувствии чего-то сверхъестественного.

Наступила глубокая тишина, всегда сопутствующая сильным волнениям. Цирк замер. Вся жизнь нескольких тысяч человек сосредоточилась в их глазах. Казалось, никто не дышит.

Уперев в живот палку мулеты, словно древко знамени, и равномерно помахивая шпагой, Гальярдо медленно двинулся к быку.

Слегка обернувшись, он заметил, что следом за ним, с плащами через руку, идут Насиональ и другой бандерильеро.

– Все с арены!

Голос матадора зазвенел в полной тишине и достиг самых дальних рядов, – ответом ему был взрыв восторга. «Все с арены!.. Он сказал: «Все с арены!..» Вот это человек!..»

Гальярдо, совершенно один, подошел к быку – и мгновенно вновь воцарилась тишина. Он неторопливо развернул мулету, расправил ее и сделал еще несколько шагов, едва не наткнувшись на морду быка, сбитого с толку и ошеломленного такой дерзостью.

Публика боялась произнести слово, боялась вздохнуть, но во всех глазах сияло восхищение. Какой храбрец! Идет прямо на рога!.. Гальярдо нетерпеливо топнул ногой по песку, побуждая животное к нападению, и вот громадная туша, выставив вперед острия рогов, с ревом ринулась на него. Рога прошли под мулетой и скользнули по расшитой золотом куртке. Матадор не двинулся с места и лишь слегка откинулся назад. Вопль толпы ответил на удачный взмах мулеты:

– Оле!..

Зверь повернулся и снова бросился на человека и его тряпку, а Гальярдо под непрерывные возгласы зрителей повторил маневр. Бык, все больше разъярясь после каждого обмана, в неистовстве бросался на тореро, а тот продолжал водить плащом перед его мордой, вращаясь на небольшом пространстве, воодушевленный близкой опасностью, опьяненный восторженными криками толпы.

Гальярдо чувствовал горячее дыхание зверя, брызги пены долетали до его лица и правой руки. Привыкнув к близости быка, он смотрел уже на него как на доброго друга, который охотно даст убить себя ради его славы.

На несколько мгновений бык замер, словно утомленный этой игрой. В мрачном раздумье он уставился на человека и красный лоскут, догадываясь в глубине своего темного сознания об обмане, который с каждым новым нападением толкает его все ближе к смерти.

Сердце Гальярдо забилося, как всегда перед удачным ударом. Пора!.. Круговым движением левой руки он свернул мулету вокруг палки и, подняв правую руку на высоту своих глаз, застыл со шпагой, направленной в затылок зверя.

По рядам пробежал ропот протеста и недовольства.

– Не бей! – закричали тысячи голосов. – Нет... нет!

Было слишком рано. Бык плохо стоял, сейчас он рванется и бросится на матадора. Гальярдо действовал против всех правил искусства. Но что ему правила, что ему собственная жизнь, этому безумцу?..

Внезапно он бросился вперед со шпагой в вытянутой руке, и в тот же момент бык ринулся ему навстречу. Удар был страшен. На мгновение человек и зверь слились в одно целое. Понять, кто победил, было невозможно: рука человека и часть его корпуса находились между рогами; животное, нагнув голову, стремилось взять на рога ускользавшую от него пеструю, расшитую золотом куклу.

Наконец группа распалась; превращенная в лохмотья мулета соскользнула на песок, руки тореро освободились; пошатываясь, он сделал по инерции несколько шагов и с трудом пришел в равновесие. Одежда его была в беспорядке. Разорванный рогами галстук болтался поверх жилета.

Бык продолжал свой бег с прежней скоростью. На его широком затылке едва выделялась красная рукоять шпаги, вонзившейся по самый эфес. Вдруг животное остановилось, передние ноги его подогнулись, как бы в неуклюжем поклоне, голова опустилась на песок. И наконец бык тяжело рухнул и забился в предсмертных судорогах.

Казалось, что амфитеатр обрушился, что сыплются с грохотом камни, что люди, охваченные паникой, сейчас бросятся бежать, – все вскочили с мест, бледные, дрожащие, крича и размахивая руками. Мертв!.. Какой удар! Ведь на мгновение публике показалось, будто матадор повис на рогах, все ждали, что вот-вот он, обливаясь кровью, упадет на песок. И вдруг он стоит перед ними, еще оглушенный бешеным натиском, но веселый и улыбающийся. После пережитого волнения и страха общий восторг не знал границ.

– Зверь! – кричали зрители, не находя других слов, чтобы выразить восхищение. – Чудовище!

Шляпы летели на арену, гром рукоплесканий прокатывался по рядам, пока Гальярдо шествовал по кругу вдоль барьера к председательской ложе.

Овация разразилась бурей, когда Гальярдо, широко раскинув руки, приветствовал президента. Все кричали, требуя для матадора высшего знака отличия. Ему должны поднести ухо! Он заслужил эту награду. Не часто случается видеть такой удар. И с новой силой вспыхнули рукоплескания, когда один из служителей вручил матадору темный, поросший шерстью окровавленный треугольник: кончик бычьего уха.

На арену уже вышел третий бык, а овации в честь Гальярдо не смолкали, словно публика не могла опомниться от восторга, словно все, что еще могло произойти во время корриды, уже не заслуживало внимания.

Остальные тореро, бледные от зависти, выбивались из сил, стараясь заслужить расположение публики. Раздавались аплодисменты, но они казались вялыми и равнодушными по сравнению с недавней овацией. Публика изнемогла после бури восторга и рассеянно следила за схватками, происходившими на арене. На ступенях амфитеатра шли ожесточенные споры. Приверженцы других матадоров, успокоившись и освободившись от охватившего всех безумия, восставали против собственного невольного порыва, осуждая Гальярдо. Очень мужественный, очень отважный тореро, настоящий самоубийца; но это не искусство! А самые страстные и яростные поклонники кумира, из тех, кто восхищался его дерзостью, отвечавшей их собственным склонностям, негодовали с фанатизмом верующего, при котором оспаривают чудеса, совершенные его святым.

Внимание публики отвлекалось от арены поминутно вспыхивающими ссорами. То и дело в одном из секторов амфитеатра раздавался шум, зрители вскакивали, повернувшись спиной к арене, над головами мелькали руки и палки. Остальная публика, перестав следить за корридой, всматривалась в место драки и в нарисованные на каменной стене огромные цифры, обозначающие различные секторы амфитеатра.

– Стичка в третьем секторе! – кричали веселые голоса. – Теперь дерутся в пятом!

Подчиняясь стадному чувству, все шумели и вскакивали на ноги, пытаясь рассмотреть через головы соседей, что происходит вдалеке, но видели лишь медленное шествие полицейских, которые, с трудом продвигаясь по ступеням, направлялись к месту побоища.

– Садитесь! – кричали более разумные из зрителей, желавшие смотреть на арену, где тореро продолжали свое дело.

Постепенно волны людского моря улеглись; ряды голов выровнялись по концентрическим кругам амфитеатра, и коррида возобновилась. Но нервы толпы были возбуждены, и ее настроение проявлялось то в презрительном молчании, то в несправедливой враждебности к некоторым тореро.

Публике, пресыщенной недавними волнующими событиями, все перипетии боя казались неинтересными. Чтобы рассеять скуку, зрители принялись за еду и питье. Уличные торговцы сновали между рядами, с фантастической ловкостью бросая покупателям требуемый товар. Словно оранжевые мячи, по всему амфитеатру летали апельсины, вычерчивая на пути прямые, как нитка, линии. Хлопали пробки бутылок с газированной водой. В стаканах искрилось жидкое золото андалузского вина.

Но вот по амфитеатру пробежала волна любопытства: Фуэнтес направился с бандерильями к своему быку, и все замерли, ожидая чудес ловкости и красоты. Матадор вышел один на середину арены с бандерильями в руке, невозмутимый, спокойный, продвигаясь медленным шагом, словно затеявая какую-то игру. Бык подозрительно следил за его движениями, изумленный зрелищем одинокого человека после недавнего шума и суеты, когда вокруг него развева-

лись плащи, в загривок ему вонзались острые пики и перед самыми его рогами, словно напрашиваясь на удар, металась лошадь.

Человек гипнотизировал зверя. Он подошел к быку так близко, что коснулся бандерильями его холки, потом, отступив, побежал мелкими шагами, и бык, словно замороженный, потрусил за ним на другой конец арены. Казалось, тореро покорил животное; бык подчинялся малейшему его движению. Но вот Фуэнтес решил закончить игру. Раскинув руки с зажатými в них бандерильями, поднявшись на носках и вытянувшись всем своим гибким, стройным телом, он, в величественном спокойствии, двинулся вперед и воткнул разноцветные стрелы прямо в затылок ошеломленному быку.

Трижды он повторил этот прием под приветственные крики публики. Те, кто считал себя знатоком, наконец отыгрались за взрыв восторга, вызванный Гальярдо. Вот это значит быть тореро! Вот это настоящее искусство!

Гальярдо, стоя у барьера, утирал пот с лица полотенцем, которое подал ему Гарабато. Он выпил воды, повернувшись спиной к арене, чтобы не видеть подвигов товарища. Вне цирка он уважал своих соперников, относясь к ним с братским чувством, рожденным сознанием общей опасности, но стоило ему ступить на арену, как все они превращались в его врагов, а их успехи ранили его, как оскорбления. Сейчас восторги публики казались ему воровством – они похищали часть его триумфа.

Когда вышел пятый бык, предназначенный для него, Гальярдо бросился на арену, горя нетерпением поразить публику своим геройством.

Стоило упасть одному из пикадоров, как Гальярдо, взмахнув плащом, уводил быка на другой конец арены и, ослепив его фейерверком ловких движений, приводил в полную растерянность; тогда он дотрагивался до морды быка ногой или надевал ему на голову свою шляпу. Иногда, пользуясь оцепенением быка, он с вызывающей дерзостью подставлял ему грудь, становился перед ним на колени и чуть ли не ложился под рога.

Старые любители глухо ворчали. Обезьяньи выходки! В прошлые времена не потерпели бы такого паясничанья! Но их ропот был заглушен возгласами одобрения.

Когда прозвучал сигнал, призывающий бандерильеро, зрители были поражены, увидев, что Гальярдо, взяв у Насионаля его бандерильи, направился к быку. Раздались протестующие голоса. Работать с бандерильями!.. Ему?.. Всем известно, что в этом он не силен. Бандерильи нужно оставить тем, кто делал карьеру шаг за шагом, кто много лет, прежде чем стать матадором, выступал как бандерильеро рядом со своим маэстро, а Гальярдо сразу начал с конца: он принялся убивать быков, едва ступив на арену.

– Нет! Нет! – ревела толпа.

Доктор Руис кричал и махал руками через барьер:

– Оставь это, сынок! Делай свое дело... Бей!

Но когда Гальярдо отдавался порыву дерзкой отваги, он не обращал внимания на публику и был глух к ее протестам. Не слушая предостерегающих криков, он двинулся прямо к быку и, раньше чем тот успел пошевелинуться, – раз! – воткнул бандерильи. Всаженные неловкой рукой, они плохо держались, и когда бык в изумлении тряхнул головой, одна из стрел упала. Но это уже не имело значения. Толпа всегда чувствует слабость к своим кумирам, прощая и оправдывая их ошибки. Публика радостно приветствовала отважного тореро. А он с еще большей дерзостью всадил вторую пару, несмотря на протесты зрителей, боявшихся за его жизнь. В третий раз он повторил прием, по-прежнему неловко, но с таким бесстрашием, что неловкость, за которую другой был бы освистан, вызвала бурю восхищения. Вот это тореро! Сама судьба помогает этому смельчаку!

В затылке быка остались только четыре бандерильи из шести, да и те едва держались; казалось, животное их не чувствует.

– Остался невредим! – кричали любители, показывая на быка.

Тем временем Гальярдо, вооружась шпагой и мулетой, надев шляпу, гордо и спокойно направился к быку. Он верил в свою звезду.

– Все с арены! – крикнул он снова.

Почувствовав, что кто-то, не послушавшись приказа, идет за ним, он слегка повернул голову. В нескольких шагах от него шагал Фуэнтес. Он следовал за Гальярдо с плащом в руке, делая вид, будто остался на арене по рассеянности, но на самом деле, словно предчувствуя несчастье, держался наготове, чтобы броситься на помощь товарищу.

– Оставьте меня, Антонио, – сказал Гальярдо сердито, но вместе с тем почтительно, словно обращаясь к старшему брату.

В его голосе прозвучала такая настойчивость, что Фуэнтес пожал плечами, словно снимая с себя ответственность, и, замедляя шаг, пошел к барьеру, уверенный, что с минуты на минуту может понадобиться его помощь.

Гальярдо растянул мулету чуть не на самой голове быка. Бык бросился на красный лоскут. Взмах. «Оле!» – взвыли энтузиасты. Но бык внезапно повернулся и ринулся на матадора, страшным ударом вырвав мулету из его рук. Безоружному, беззащитному, Гальярдо оставалось только бежать к барьеру, но в тот же миг плащ Фуэнтеса отвлек быка. Поняв на бегу, что бык остановился, Гальярдо не стал прыгать через барьер. Он почувствовал уверенность в своих силах и несколько мгновений простоял неподвижно, глядя на врага в упор. Эта блестящая выдержка превратила поражение в триумф, вызвавший аплодисменты зрителей.

Гальярдо поднял мулету и шпагу, тщательно расправил красный лоскут и снова встал перед мордой быка. Теперь он был не так спокоен: его обуревала ярость, страстное желание как можно скорее убить эту тварь, заставившую его спасаться бегством на глазах у тысяч поклонников.

Едва сделав один шаг, он приготовился к решительному удару и, низко опустив мулету, поднял рукоять шпаги до уровня глаз.

Публика, боясь за его жизнь, снова закричала:

– Не бей! Нет! А-а-а!

Вопль ужаса пронесся по амфитеатру: дрожа от волнения, с расширенными глазами, зрители вскочили на ноги; женщины закрывали лицо или судорожно хватались за руки соседей. При ударе клинок угодил в кость, и Гальярдо, вытаскивая шпагу, не успел уклониться от грозного рога. Бык зацепил матадора посередине туловища, и все увидели, как этот красавец и силач болтается на острие рога, словно жалкая кукла. Могучим движением головы бык отшвырнул матадора на несколько метров, и он тяжело рухнул на арену, распластавшись, как разряженная в шелк и золото лягушка.

– Убит! Удар в живот! – кричали зрители.

Но неожиданно Гальярдо встал на ноги среди махавших плащами тореро, которые бежали к нему на помощь. Он улыбался; ощутив себя со всех сторон, он развел руками, желая показать публике, что все в порядке. Ушиб и только, да еще пояс изорван. Рог так и не пробил насквозь прочный шелк.

Гальярдо снова собрал свои «орудия убийства». Теперь уже никто не хотел садиться, – все понимали, что удар будет молниеносным и сокрушающим. Гальярдо пошел прямо на быка, как одержимый, словно, оставшись цел, он не верил больше в силу его рогов. Он решил убить или умереть, но сейчас же, немедленно, без проволочек и предосторожностей. Или бык, или он! Все перед ним слилось в сплошное красное пятно, словно глаза его залило кровью. Откуда-то издали, будто из другого мира, доносились до него голоса зрителей, призывавших его к спокойствию.

Перебросив плащ через руку, он сделал всего два шага и внезапно, со скоростью мысли, со стремительностью развернувшейся пружины, бросился на быка и нанес ему удар шпагой, который его поклонники называли молниеносным. При ударе матадор вытянул руку так

далеко, что не успел ее отдернуть. Рог быка прошелся по руке, и матадор отлетел на несколько шагов. Он зашатался, но устоял на ногах, а бык, промчавшись через всю арену, упал, подогнув ноги и уронив голову на песок. Так он лежал, пока пунтильеро не добил его.

Публика обезумела от восторга. Прекрасная коррида! Столько волнений! Этот Гальярдо даром денег не берет: с лихвой расплачивается за билет. Любителям на три дня хватит разговоров за столиками кафе. Какой храбрец! Какое чудовище! И самые восторженные воинственно озирались по сторонам, словно вызывая на бой своих противников.

– Первый матадор в мире!.. Пусть только попробуют возразить!

Остальные выступления едва привлекли внимание зрителей. Все казалось пресным и серым после подвигов Гальярдо.

Когда последний бык упал на песок, на арену хлынула толпа мальчишек, любителей из народа, учеников тореро. Они окружили Гальярдо и вместе с ним прошли от ложи председателя к выходным воротам. Все теснились вокруг него, всем хотелось пожать матадору руку, дотронуться до его одежды. И наконец энтузиасты, не обращая внимания на Насионаля и других бандерильеро, защищавших маэстро кулаками, подхватили его на руки и понесли по арене и галереям до самого выхода на улицу.

Гальярдо, с шляпой в руке, приветствовал аплодирующих зрителей. Завернувшись в свой роскошный плащ, гордо выпрямясь, он возвышался, словно божество, над потоком мягких шляп и фуражек, а вокруг неслись крики восторга.

Доехав в карете до улицы Алькала, Гальярдо увидел несметную толпу – его приветствовали поклонники, которые не присутствовали на корриде, но уже знали о триумфе своего кумира, – и улыбка гордости и уверенности в собственных силах озарила орошенное потом, по-прежнему бледное от волнения лицо матадора.

Насиональ, встревоженный падением маэстро, спросил, не больно ли ему и не нужно ли вызвать доктора Руиса.

– Пустяки, слегка задел рогом... Еще не родился бык, который убьет меня.

Но тут перед упоенным гордостью матадором возникло воспоминание о недавних страхах, и, уловив промелькнувшую в глазах Насионаля насмешку, он прибавил:

– Со мной это бывает только перед выходом на арену... Так, что-то вроде головокружения, точно у женщины. А знаешь, ты прав, Себастьян. Как ты говоришь? Бог и природа? Правильно, богу и природе нечего лезть в дела тореро. Каждый выпутывается как может, благодаря собственной ловкости или смелости, а советы небесные или земные нам ни к чему... У тебя хорошая голова, Себастьян; тебе надо бы учиться.

И, полный радостного оптимизма, он смотрел на бандерильеро как на мудреца, позабыв о насмешках, которыми всегда встречал его непонятные рассуждения.

В вестибюле отеля толпилось множество поклонников, жаждающих обнять матадора. Они превозносили его подвиги, приукрашенные до неузнаваемости за то время, пока рассказ о них дошел от цирка до отеля. Наверху, в комнате Гальярдо, было полно друзей. Все эти сеньоры говорили ему «ты» и, подражая простой речи пастухов и скотоводов, восклицали, хлопая его по плечу:

– Эх, хорош же ты был... Ну и хорош!

Выйдя вместе с Гарабато в коридор, Гальярдо избавился от восторженных почитателей.

– Надо послать телеграмму домой. Ты знаешь как: «Все в порядке».

Гарабато воспротивился: он должен помочь маэстро раздеться. Телеграмму пошлет кто-нибудь из прислуги.

– Нет, я хочу, чтобы ты сам. Я подожду... И отправь еще одну. Ты знаешь кому: этой сеньоре, донье Соль... Тоже: «Все в порядке».

II

Когда у сеньоры Ангустиас умер муж, известный башмачник Хуан Гальярдо, занимавшийся своим ремеслом в одном из подъездов предместья Ферия, она долго и безутешно плакала, как полагается вдове в подобных случаях; а в глубине ее души рождалась между тем радость человека, который после долгого пути может наконец скинуть со своих плеч тяжелое бремя.

– Бедняжка мой, родненький! Царствие тебе небесное! Такой добрый! Такой работающий!

За двадцать лет совместной жизни супруг не причинил ей иных огорчений, кроме тех, что безропотно сносили все женщины предместья. Из трех песет, которые ему случалось зарабатывать в день, башмачник одну отдавал жене на содержание дома, а две оставлял на свои личные расходы: хочешь не хочешь, а надо же ответить на «угощение» друзей, которые приглашали его распить стаканчик вина. Лучше андалузских вин, как известно, на всем свете не сыщешь, но и цена на них изрядная. Бой быков тоже нельзя пропустить. Если ж не пить вина и не ходить на корриды, так и жить не стоит.

Вот почему сеньоре Ангустиас приходилось изворачиваться и прибегать ко всяческим уловкам, чтобы прокормить двоих детей – Энкарнасьон и Хуанильо. Она работала поденщицей в зажиточных домах предместья, шила на соседок, занималась перепродажей одежды и драгоценностей по поручению знакомой старьевщицы и набивала сигареты, как в былые дни, когда влюбленный и нежный жених поджидал ее у ворот табачной фабрики, где она работала в юности.

Сеньора Ангустиас не могла пожаловаться на измены мужа или на грубое отношение. По субботам, когда пьяный башмачник, поддерживаемый приятелями, возвращался поздней ночью домой, он бывал необыкновенно весел и нежен. Сеньоре Ангустиас приходилось силой вталкивать мужа в дом, а он, упираясь, затягивал на пороге любовную песню в честь своей дородной супруги и бил в такт руками. Когда же, бывало, дверь захлопнется, лишив соседей забавного зрелища, и «сеньо» Хуан в порыве пьяного умиления подойдет к кровати малышей, чтобы облобызать их, обильно поливая слезами детские личики, и снова затянет серенаду в честь сеньоры Ангустиас, – оле! первой красотицы в мире! – добрая женщина, сменив гнев на милость, рассмеется и примется раздевать пьянчугу, словно больного ребенка.

Других грехов за беднягой не числилось. Ни женщин, ни карт – ни-ни! Его эгоизм, выражавшийся в стремлении хорошо одеваться, в то время как семья ходила в лохмотьях, и несправедливое распределение заработка сторицей возмещались порывами великодушия. Сеньора Ангустиас с гордостью вспоминала, как в дни больших праздников она, по просьбе мужа, наряжалась в свою подвенечную мантилью из манильских кружев и, послав детей вперед, выступала рядом с сеньором Хуаном, который, в белой кордовской шляпе, помахивая тростью с серебряным набалдашником, прогуливался с семьей по аллее Делисиас, ни в чем не уступая какому-нибудь торговцу с улицы Сьерпес. В день общедоступной корриды щедрый муж, прежде чем отправиться в цирк, угощал жену мансанильей¹² в кафе на улице Кампана или на Новой площади. Эти счастливые минуты сохранились в памяти бедной женщины как далекое приятное воспоминание.

Сеньор Хуан заболел чахоткой, и в течение двух лет жене приходилось ухаживать за ним, всячески изощряясь, чтобы возместить потерю той песеты, которую сапожник уделял семье. Бедняга кончил свои дни в больнице, покорный судьбе, верный убеждению, что жизнь без мансанильи и боя быков ничего не стоит. Последний взгляд умирающего был с любовью и бла-

¹² Мансанилья – белое сухое вино.

годарностью обращен к жене, словно он желал еще раз сказать глазами: «Оле! первая красotka в мире!»

После смерти мужа положение сеньоры Ангустиас не ухудшилось, скорее наоборот – она с облегчением вздохнула, освободившись от бремени, тяготившего ее больше, чем вся семья. Обладая энергичным и решительным характером, она без долгих раздумий определила будущее своих детей. Энкарнасьон минуло к тому времени семнадцать лет, и матери, с помощью подруг ее юности, успевших стать мастерицами, удалось пристроить дочь на табачную фабрику. Сыну, который присмотрелся к работе отца, вертясь с малых лет в его тесной мастерской, предстояло по воле сеньоры Ангустиас стать сапожником. Взяв Хуанильо из школы, где к двенадцати годам мальчик выучился с грехом пополам читать и писать, мать отдала его в ученье к одному из лучших башмачников Севильи.

Но тут-то и начались страдания бедной женщины.

Не парень, а горе! Подумать только, сын таких честных родителей!.. Чуть ли не каждый день, вместо того чтобы идти к хозяину в мастерскую, он с ватагой мальчишек убегал на бойню; местом сбора детворы была скамейка на бульваре Аламеда-де-Эркулес. Пастухи и убойщики скота от души потешались, глядя, как дерзкие малыши дразнили волов красной тряпкой; зачистую забава кончалась тем, что вол подхватывал смельчака на рога или, сбив с ног, топтал его копытами. Сеньора Ангустиас, которая нередко просиживала до глубокой ночи с иголкой в руках, чтобы ее сын мог отправиться в мастерскую прилично и чисто одетым, встречала его на пороге дома; не решаясь войти, проголодавшийся за день мальчик, весь в ссадинах и кровоподтеках, в перепачканной куртке и рваных штанах, виновато переминался с ноги на ногу.

К ударам, полученным от коварного вола, присоединялись материнские затрешины и оплеухи; но герой скотобойни готов был все стерпеть, лишь бы заглушить голод, жестоко терзавший его после пережитых приключений: «Бей, но дай поесть». С жадностью набрасывался он на черствый хлеб, несвежую фасоль, протухшую рыбу – на все отбросы, которые выискивала по лавкам изобретательная мать, озабоченная тем, как бы свести концы с концами.

День-деньской скребла сеньора Ангустиас полы в чужих квартирах и только изредка могла улучшить свободную минуту, чтобы пойти в сапожную мастерскую и справиться об успехах сына. Она возвращалась оттуда, задыхаясь от гнева и придумывая по пути всевозможные кары, способные исправить маленького плута.

Чаще всего Хуанильо даже не заглядывал в мастерскую. С утра он отправлялся на бойню, а после полудня вместе с ватагой уличной детворы шатался по улице Сьерпес, пожирая глазами оставшихся без ангажемента тореро; одетые с иголочки, в великолепных сомбреро, но без гроша в кармане, они обычно собирались на углу Кампаны, с упоением толкуя каждый о собственных подвигах.

Хуанильо взирав на них с трепетным благоговением, восхищаясь их осанкой и развязной манерой бросать любезности в лицо проходящим женщинам. Мальчика охватывала дрожь при одной мысли, что у каждого из них висел дома шелковый, расшитый золотом наряд, который они надевали, чтобы под звуки музыки выступить на арене перед толпой.

Среди маленьких оборванцев сын сеньоры Ангустиас был известен под кличкой Сапатерин¹³ и весьма гордился, что, подобно великим людям, выступающим в цирке, получил прозвище. Итак, начало положено. Хуанильо повязывал шею красным платком, украденным у сестры, носил берет и начесывал на уши густые пряди волос, обильно смоченные слюнями. Его куртка из грубой ткани заканчивалась складками у пояса, а панталоны, которые перешивались руками сеньоры Ангустиас из остатков отцовского гардероба, должны были, по просьбе Хуанильо, начинаться выше талии и плотно облегать бедра, расширяясь книзу; если же мать не подчинялась этим требованиям, мальчуган плакал от досады. Мечтой его был плащ, настоя-

¹³ *Сапатерин* (исп. *zapatero*) – можно перевести как «маленький сапожник».

щий плащ матадора, чтобы не приходилось выпрашивать у счастливых вожделенную красную тряпку! Как-то Хуан разыскал в доме старый, негодный тюфяк. Шерсть из него была давно продана в трудную минуту жизни. Воспользовавшись отсутствием матери, которая работала в тот день в доме каноника, Сапатерин провел все утро на кухне. С изобретательностью человека, потерпевшего кораблекрушение и выброшенного морским прибоем на необитаемый остров, где он полностью предоставлен своей судьбе, мальчик живо смастерил из ветхой, пропахшей плесенью тряпки боевой плащ. Затем развел в посудине горсть купленной в аптеке краски и опустил в нее ткань. Хуанильо пришел в восторг от результатов своей работы. Получился ярко-алый плащ, которому предстояло вызвать немалую зависть среди местных капеадоров¹⁴. Оставалось лишь высушить его, и Хуанильо развесил свое сокровище на веревке, где сушилось на солнце белье соседок. Поднялся ветер, и тряпка, с которой ручьями стекала краска, вмиг перепачкала соседние вещи. Град проклятий и угроз обрушился на виновника зла; подняв сжатые кулаки, женщины сыпали такой отборной руганью, понося мальчишку вместе с его матерью, что Сапатерин поспешно схватил свой драгоценный плащ и пустился наутек. Вымазанный алой краской, он походил на спасающегося бегством убийцу.

Сеньора Ангустиас, крепкая, дородная и усатая женщина, не робевшая перед мужчинами и внушавшая соседкам уважение своим решительным нравом, была не в силах справиться с мальчиком. Что тут поделаешь! Ее тяжелая рука изрядно погуляла по всем частям его тела, и немало веников обломала она об мальчишку, но все было тщетно. У негодника, говорила мать, спина не хуже, чем у собаки. Привыкнув на бойне к ударам молодых бычков и копытам коров, к пинкам пастухов и забойщиков скота, – а они не очень-то церемонились с детворой, помешанной на тавромахии, – Хуанильо, возвращаясь домой, видел в материнских побоях естественное продолжение своей бродячей жизни и сносил их покорно, как неизбежную мзду за пропитание, и в то время как мать осыпала его бранью и затрещинами, он за обе щеки уплетал краюху сухого хлеба, ничуть не помышляя об исправлении.

Едва утолив голод, мальчик снова убежал из дому, пользуясь свободой, которую ему предоставляли частые отлучки матери, уходившей на работу.

На улице Кампана, почетном форуме страстных любителей боя быков, куда вмиг долетали все сенсационные новости, он узнавал от своих сверстников вести, приводившие его в неописуемый восторг:

– Сапатерин, завтра – коррида.

В провинции в день престольного праздника устраивались капеи, на которые устремлялись юные тореро в надежде, что смогут потом похвастаться участием в бое быков на прославленных аренах Асналькольяра, Больюлоса или Майрены. Они отправлялись в путь с вечера, летом – перекинув плащ через плечо, зимой – закутавшись в него, с пустым желудком и неисчерпаемым запасом историй о быках.

Если путь был далек, они проводили ночь под открытым небом или просились на сеновал при постоялом дворе. Горе виноградникам, бахчам и тутовым деревьям, встречавшимся на их пути в жаркие месяцы. Единственной заботой мальчишек была угроза встретиться в селе с другой такой же ватагой, соперничающей «квадрилей», которой, чего доброго, пришлось в голову отправиться на ту же капею.

Достигнув цели путешествия, пропыленные насквозь, усталые и разбитые, ребята являлись к алькальду; самый бойкий из них, взяв на себя роль импресарио, начинал расхваливать достоинства «своих людей», и юные искатели славы были рады-раदेशеньки, если великодуш-

¹⁴ *Капеадор* – участник капеи; обычно любители, начинающие тореодоры, которые пробуют свои силы в борьбе с быками. *Капея* – коррида, которую проводили в небольших городках; прямо на площадях строили баррикады и выпускали быков. Чаше всего животные были опасны, потому что участвовали в подобных мероприятиях уже не раз, и сразу бросались на юных тореро.

ный алькальд отводил им место на муниципальной конюшне; когда же, сверх того, он угощал их ольей¹⁵, они в несколько минут очищали горшок.

На сельскую площадь, огороженную повозками и скамьями, выпускали одного за другим огромных старых быков, испещренных шрамами и рубцами, – горы мяса, увенчанные мощными рогами, хранившими следы битв. Много лет подряд они уже участвовали в праздничных корридах по всей провинции, почтенные, умудренные опытом ветераны, постигшие все тайные уловки и ухищрения ремесла.

Местные парни, устроившись в безопасном месте, кололи быков пиками, но зрителей занимали не столько быки, сколько юные «тореро», явившиеся из Севильи. Они размахивали плащами перед мордой быка, и хотя колени у них дрожали от страха, сытый желудок придавал им бодрости. Зачастую они кубарем катились по арене, вызывая бурю восторга среди публики. Но стоило перепуганному насмерть мальчугану броситься в поисках спасения к барьеру, как бессердечные зрители осыпали его бранью, хлопали по рукам, уцепившимся за ограду, и палками гнали обратно на середину арены. «Назад, бесстыдник! Нечего прятаться от быка, хвастунишка!»

Случалось, «матадора» уносили на руках, мертвенно-бледного, с остекленевшими глазами и головой, упавшей на грудь, из которой вырывались хриплые вздохи. На помощь приходил коновал и, не видя следов крови, успокаивал окружающих: простое сотрясение, ведь мальчишка пролетел по воздуху изрядное расстояние, прежде чем грохнуться, как куль муки, на землю. А то случалось, мальчуган попадал под тяжелые копыта огромного животного. На пострадавшего выливали ведро воды, чтобы привести в чувство, и отпаивали водкой из Касальи-де-ла-Сьерры – словом, ухаживали, как за принцем.

И снова на площадь. Под вечер, когда на арену выгоняли последнего быка, двое из «квадрилья», выбрав плащ получше и ухватив его за концы, обходили скамьи, выпрашивая вознаграждение. Если зрители были довольны подвигами пришельцев, медяки щедро сыпались в красную тряпку. Закончив корриду, «квадрилья» собиралась в обратный путь, зная, что кредит на постоялом дворе исчерпан. По дороге, при дележе медяков, увязанных в узелке, нередко затевались ссоры.

Остаток недели был посвящен хвастливым воспоминаниям о совершенных подвигах в кругу друзей, не принимавших участия в приключении и жадно внимавших рассказу. Герои повествовали о «верониках» в Гарробо, о «наваррах»¹⁶ в Лоре или об ужасной ране, полученной на площади в Педросо, стараясь при этом подражать манерам и жестам заправских тореро, которые в своем вынужденном безделье утешались бахвальством и враньем.

Однажды сеньора Ангустиас больше недели не получала вестей от сына. Наконец до нее дошли смутные слухи, будто он ранен на арене в Тосине. Боже ты мой! Где этот город и как до него добраться? Считая сына погибшим и горько его оплакивая, мать уже решила ехать к нему, но едва она собралась в путь, как на пороге появился сам Хуанильо; бледный и ослабевший, он, как истинный мужчина, с задором рассказал о полученном ранении.

Пустяки, удар в ягодицу, рана глубиной в несколько сантиметров. С бесстыдством победителя Хуан предлагал соседям взглянуть на рану и убедиться, что палец не достает до ее дна. Он гордился распространявшимся вокруг него одуряющим запахом йодоформа и хвастал вниманием, оказанным ему в этом городке, несомненно самом лучшем из всех городов Испании. Богатые жители, так сказать местная аристократия, справлялись о его здоровье; сам алькальд пришел навестить пострадавшего и даже снабдил его деньгами на обратный путь. В кошельке Хуана еще звенели три дура, и со щедростью, присущей великому человеку, он тут же отдал их матери. В четырнадцать лет заслужить такую славу! Гордость Хуана не знала предела, когда на

¹⁵ Олья – традиционное испанское блюдо; тушеное мясо с овощами и приправой.

¹⁶ «Вероника» и «наварра» – сложные приемы, использующиеся тореодором при борьбе с быком.

Кампане некоторые тореро – не сомневайтесь, самые настоящие тореро! – обратили внимание на мальчугана и стали спрашивать, как заживает его рана.

После этого случая Хуанильо больше не заглядывал в мастерскую сапожника. С быками он уже знаком: первое ранение лишь укрепило его отвагу. Он будет тореро, и только тореро! Сеньора Ангустиас отказалась от мысли исправить сына, это было невозможно. Нет у нее сына, и все тут! Если Хуан возвращался домой в час ужина, мать с дочерью, сидевшие за столом, молча ставили перед ним тарелку, пытаясь убить его презрением, что, впрочем, ничуть не влияло на аппетит мальчика. Когда же он являлся слишком поздно, в доме для него не оставалось ни корки хлеба, и, так и не поев, он возвращался на улицу.

По вечерам Хуан разгуливал по Аламеда-де-Эркулес в компании мальчишек с порочными глазами, казавшихся чем-то средним между будущими преступниками и тореро. Частенько его видали и в другом обществе – с юными сеньорито, вызывавшими едкие насмешки соседок, или с важными кабальеро, которым злые языки давали женские прозвища. Одно время Хуан продавал газеты, а на Страстной неделе, в дни праздничных корридов, разносил леденцы сеньорам, сидевшим на площади Сан-Франсиско. Когда наступало время ярмарки, он бродил неподалеку от гостиниц в ожидании «англичанина» – для него все путешественники были англичанами – в надежде, что тот возьмет его проводником.

– Милорд! Я тореро! – говорил он при виде чужестранца, словно профессия тореро служила самой верной и неоспоримой рекомендацией.

В подтверждение своих слов Хуан снимал берет, движением головы отбрасывая назад свою колету – прядь волос длиною в четверть, свисавшую с макушки.

Товарищем Хуана по нищете был его ровесник Чирипа, невысокий парнишка с лукавыми глазами, круглый сирота, бесприютный бродяга, имевший влияние на Хуанильо благодаря своему богатому опыту. Через все лицо мальчика проходил шрам от удара рогом, и эта рана была в глазах Сапатерина куда почетнее, чем его собственная, скрытая от людского взора.

Если приезжая иностранка в погоне за «экзотикой» заводила на пороге отеля беседу с юными тореро, восхищаясь их колетами и рассказами о полученных ранах, а в заключение доставала кошелек, Чирипа старался ее разжалобить:

– Ему не давайте, ведь у него дома мать, а я в мире один-одинешенек. Люди не ценят, когда у них есть мать.

И Сапатерин, поддавшись на миг угрызениям совести, позволял товарищу завладеть целиком всей подачкой и с грустью бормотал:

– Конечно... конечно.

Впрочем, краткая вспышка сыновней нежности не мешала Хуанильо продолжать бродячую жизнь, предпринимая далекие путешествия из Севильи и лишь изредка появляясь дома.

Чирипа был прирожденным и изобретательным бродягой. В дни корридов он пускался на всякие уловки, чтобы попасть с товарищем в цирк, – то через стену перелезут, то, смешавшись с толпой, шмыгнут в ворота, а то умильными просьбами разжалобят служителей, – дескать, они сами тореро, неужто их не пропустят посмотреть бой быков!.. Если не предвиделось капеи где-нибудь поблизости, друзья отправлялись дразнить молодых бычков на пастбищах Таблады, но все же радости, которые им могла предложить жизнь в Севилье, были ничтожны в сравнении с их честолюбивыми планами.

Чирипа немало поштался по свету и поражал своего товарища рассказами о чудесах, которые он видел в отдаленных провинциях. Он умел незаметно проскользнуть в вагон и куда угодно доехать зайцем... Как замороженный, слушал Сапатерин описания Мадрида, города его мечтаний, где цирк был своего рода храмом для любителей тавромахии.

Какой-то сеньорито у входа в кафе на улице Сьерпес в шутку сказал мальчикам, что в Бильбао они могли бы заработать кучу денег: там, мол, весьма ценятся искусные тореро из Севильи. И доверчивые парнишки пустились в путь без гроша в кармане, прихватив с

собой лишь плащи, настоящие плащи, правда изрядно потрепанные, но принадлежавшие в свое время профессиональному тореро и купленные у старьевщика за несколько реалов.

Шмыгнув в вагон, путешественники забрались под лавку, но голод и другие нужды заставили их покинуть верное убежище; попутчики, сжалившись над юными искателями приключений и потешаясь над их забавным видом, с косичками и плащами, охотно отдавали им остатки своих припасов. Если железнодорожникам случалось обнаружить бесплатных пассажиров, мальчики перебежали из вагона в вагон или, примостившись на крыше, ждали, когда поезд тронется снова; их не раз ловили, стаскивали за уши вниз и, надавав затрещин и пинков, выкидывали на платформу глухой станции, между тем как поезд исчезал вдаль, как погибшая мечта.

Устроившись под открытым небом, мальчуганы дожидались следующего поезда, а если замечали, что служащие наблюдают за ними, шли пешком до ближайшей станции в надежде, что там им больше повезет... Так, после долгих дней пути с длительными остановками и всякими злоключениями, они добрались до Мадрида. На улице Севильи и на Пуэрта-дель-Соль юные герои вволю насладились созерцанием шатавшихся без дела тореро и даже осмелились – впрочем, безрезультатно – обратиться к ним за денежной помощью для продолжения пути. Служитель цирка, уроженец Севильи, пожалев земляков, пустил их переночевать в конюшню и доставил им неслыханную радость присутствовать на корриде с молодыми бычками в знаменитом цирке, который показался им, однако, вовсе не таким уж огромным по сравнению с их родным, севильским.

Испуганные собственной храбростью и убедившись, что цель их путешествия весьма далека, мальчуганы отправились восвояси тем же способом, каким прибыли в столицу. С этих пор они пристрастились к бесплатным путешествиям по железной дороге. Как только до них долетали смутные слухи о капеях, устраиваемых по случаю местного праздника в небольших андалузских городах, они пускались в путь. Им случалось добираться до Ламанчи и Эстремадуры; если же, по воле злой судьбы, приходилось идти пешком, они просили по дороге приюта у крестьян, людей доверчивых и веселых, которые, поражаясь молодости и отваге путников, охотно выслушивали их хвастливые рассказы и принимали пареньков за настоящих тореро.

Бродячая жизнь и борьба за существование научили их уловкам первобытного человека. Они ползком пробирались в огороды хуторян и опустошали грядки или часами подстерегали одинокую курицу и, мигом свернув ей шею, спокойно продолжали путь, а в полдень, разложив из хвороста костер, с прожорливостью юных дикарей набрасывались на подгоревшее полусырое мясо неосторожной птицы. Куда больше, чем быков, боялись они деревенских псов: против них трудно было бороться: оскалив зубы, псы гнались за мальчиками, безошибочно угадывая врагов собственности в этих подозрительных чужеземцах.

Зачастую, когда им случалось в ожидании поезда заночевать под открытым небом, к ним подкрадывался жандармский патруль. Но, узнав красные плащи, служившие маленьким бродягам подушками, блюстители порядка успокаивались; осторожно сняв берет с головы спящего и увидев на макушке знакомую косичку, жандармы, посмеиваясь, уходили. Тут и без расспросов ясно, что это не воришки, а «любители», отправляющиеся на капею. В такой терпимости сказывалось уважение отчасти к национальному празднику, а отчасти к неизвестному будущему: ведь может статься, что маленький оборванец со временем превратится из нищего в «звезду арены» – великого матадора, закалывающего быков в честь короля и живущего как принц, а рассказы о его подвигах заполнят столбцы газет.

Но вот однажды в маленьком эстремадурском городке Сапатерин потерял друга. Желая удивить простодушных деревенских зрителей, которые шумно приветствовали «знаменитых тореро из Севильи», мальчуганы решили всадить бандерильи в шею старого свирепого быка. Успешно справившись со своей задачей, Хуанильо остановился подле скамей, с довольным видом принимая знаки одобрения зрителей, которые похлопывали его по плечу огромными

ручищами и угощали вином. Раздавшийся внезапно крик ужаса отрезвил Хуана, упоенного славой. Чирипа исчез с арены. В пыли валялись только бандерильи, башмак и берет. А бык, подцепив одним рогом безжизненный комок тряпья, носился вскачь по площади и яростно мотал головой, словно стремясь освободиться от неожиданной помехи. Сильным толчком он подбросил вверх окровавленную куклу и поймал ее на другой рог, с ожесточением потрясая добычей. Наконец жалкий ком грохнулся наземь, недвижимый, истекающий кровью, точно продырявленный бурдюк, из которого струей льется вино.

Никто не решался подойти к рассвирепевшему животному; пастух с помощью жожака заманил его в корраль¹⁷. А бедного Чирипу перенесли на тюфяке в аюнтамьенто, в каморку, служившую тюрьмой. Хуанильо увидел мертвенно-бледное лицо, тусклые глаза и тело, залитое кровью, которую не могли остановить тряпки, смоченные, за неимением других средств, в уксусе с водой.

– Прощай, Сапатерин! Прощай, Хуанильо! – вздохнул бедняга и с этими словами умер.

Вконец перепуганный, Хуан пустился в обратный путь; его преследовали остекленевшие глаза друга, в ушах стоял его предсмертный стон... Мальчику было страшно. Повстречайся ему сейчас на дороге безобидная корова, он без оглядки бежал бы от нее. Ему припомнился дом, благоразумные материнские советы. Не лучше ли в самом деле сапожничать и жить спокойно?... Но недолго держались эти мысли в голове Хуана.

Стоило ему очутиться в Севилье, как он тотчас позабыл свои страхи. Со всех сторон его осаждали сверстники, жаждавшие услышать подробный рассказ о гибели бедного Чирипы. На Кампане профессиональные тореро с сочувствием расспрашивали о мальчике со шрамом на лице, который не раз выполнял их поручения. Ободренный таким вниманием, Хуан дал волю своей фантазии и принялся рассказывать, как он, увидев, что бык подхватил беднягу на рога, бросился к разъяренному животному и вцепился в его хвост, как он совершил множество иных замечательных подвигов, несмотря на которые друг его все же расстался с жизнью.

Недавнее чувство страха рассеялось. Он будет тореро во что бы то ни стало. Ведь выбрали же себе этот путь другие, почему же ему не последовать их примеру? Хуан вспомнил тухлые бобы и черствый хлеб в материнском доме; унижения, которыми он платил за каждую новую курточку; голод, неизменного спутника его скитаний... И наконец его неудержимо притягивала показная роскошь богатой жизни: с завистью глядел он на экипажи и верховых лошадей; замирал у порога великолепных особняков, где сквозь решетчатые ворота виднелись отделанные с восточным великолепием патио, мозаичные арки, мраморные плиты и журчащие фонтаны, днем и ночью ронявшие жемчужные струи в чашу бассейна, обрамленного зелеными листьями. Жребий брошен: он должен либо убивать быков, либо умереть на арене! Быть богатым, заставить говорить о себе в газетах, отвечать на шумные приветствия толпы, прославиться любой ценой, хотя бы ценой жизни. С презрением отвергал Хуан все низшие ступени искусства тавромахии. Он видел, как бандерильеро, подвергаясь не меньшей опасности, чем матадоры, получают всего тридцать дуэро за корриду, а в старости, после долгих лет сурового существования, только и могут, что открыть на скудные сбережения убогую лавчонку или выпросить себе место на бойне. Большинство из них жили на подачки своих товарищей по ремеслу и кончали жизнь в больнице. Не желает он тратить годы на неблагодарную работу в квалдрилье и подчиняться капризам маэстро. Нет, он сразу станет матадором, выступит на арене как эспада¹⁸.

Несчастье, приключившееся с его другом, возвысило Хуана в глазах его сверстников, и он создал квалдрилью, квалдрилью оборванцев, которая следовала за ним на все окрестные капеи. Хуан внушал к себе уважение: он был самым отважным и лучше всех одевался. Девушки легкого поведения, привлеченные мужественной красотой Сапатерина, которому пошел уже восемь-

¹⁷ Корраль – слово имеем множество значений, в данном случае: загон для скота.

¹⁸ Эспада – испанская шпага; здесь: то же, что матадор.

надцатый год, и его косичкой тореро, доходили чуть не до драки, оспаривая друг у дружки честь заботиться о ладном пареньке. И наконец, у него был «крестный», отставной чиновник, питавший слабость к молодым смазливym тореро. Поведение старика приводило в негодование сеньору Ангустиас, воскрешая в ее памяти самые непристойные выражения, усвоенные ею в дни юности на табачной фабрике.

Сапатерин носил теперь костюмы из английского сукна, отлично сидевшие на его статной фигуре, и новые шляпы. «Подруги» заботились о безукоризненной свежести его воротничков и манишек, а в праздничные дни на жилете его сверкала двойная золотая цепочка вроде тех, что носят на шее сеньоры; эту цепочку, красовавшуюся в свое время на других «начинающих юношах», давал ему поносить его старший друг и покровитель.

Хуан водил дружбу с настоящими тореро и охотно угощал стаканом вина старых служителей цирка, которые рассказывали ему о подвигах знаменитых маэстро. Ходили слухи, будто покровители юноши предпринимают шаги и выжидают случая, чтобы устроить ему дебют в новильяде¹⁹ на севильской арене.

И вот наступил день, когда Сапатерин стал матадором. Как-то раз на арену в Лебрихе выпустили молодого резвого бычка; товарищи подзадорили Хуана попытать счастья: «Ну как, решишься заколоть его?» И Хуан заколол бычка. С тех пор, воодушевленный легкостью, с которой ему удалось совершить свой первый подвиг, он не пропускал ни одной капеи, где предстояло прикончить молодого быка, и спешил на все фермы, где перед забоем скота устраивалось публичное зрелище.

Владелец Ринконады, богатого поместья с небольшой ареной для боя быков, пристрастившись с давних пор к излюбленному народному зрелищу, держал открытый стол и сеновал для всех голодных любителей, которые пожелают доставить ему развлечение и провести бой с быком. Как-то в дни нищеты Хуанильо отправился в Ринконаду вместе с товарищами, готовыми встретиться лицом к лицу с любой опасностью, лишь бы всласть поесть за столом гостеприимного деревенского идадьо. Квадрилья проделала путь пешком и через два дня прибыла на место. Взглянув на запыленную ватагу с плащами на плече, землевладелец торжественно пообещал:

– Лучший из вас получит от меня на обратный билет и вернется в Севилью поездом.

Два дня богатый фермер провел на террасе, покуривая сигару и глядя, как юнцы из Севильи дразнили его бычков, не всегда успевая вовремя увернуться от грозных рогов и копыт.

– Никуда не годишься, плут! – кричал он неуклюжему парнишке. – Поднимайся на ноги, трус ты этакий! Эй, поднести ему стакан вина, пускай очухается от испуга! – распорядился хозяин Ринконады, если парнишка, опрокинутый навзничь быком, продолжал лежать неподвижно.

Сапатерин так угодил хозяину, ловко заколов бычка, что был приглашен обедать за господский стол. Остальные ребята уселись на кухне вместе с загонщиками и батраками, черпая роговой ложкой из поставленного посреди стола дымящегося котелка.

– Ты заработал себе на обратный путь в поезде, парень! Ты далеко пойдешь, если у тебя смелости хватит. Что и говорить, способный малый.

Возвращаясь домой во втором классе, между тем как приятели из квадрильи шли пешком, Сапатерин думал о том, что для него начинается новая жизнь; жадно глядел он через окно на раскинувшиеся перед ним уголья – обширные оливковые рощи, пшеничные поля, мельницы и терявшиеся на горизонте луга, где паслись тысячи коз и, неподвижно застыв, пережевывали жвачку быки и коровы. Какие богатства! Вот бы ему такое поместье!

¹⁹ *Новильяда* – разновидность корриды, в которой выпускают на арену молодых бычков от 2 до 4 лет. *Новильеро* – тореро, участвующие в новильяде.

Слава о его успехах на окрестных новильядах достигла Севильи и привлекла к нему взоры любителей, с ненасытным беспокойством поджидавших появления новой «звезды», которой предстоит затмить все дотоле существовавшие.

– Похоже на то, что это стоящий парень, – поговаривали кругом, глядя, как Хуан, горделиво приосанившись, не спеша прогуливается по улице Сьерпес. – Хорошо бы увидеть его в настоящем деле.

Таким поприщем являлась для них и для Сапатерина арена севильского цирка. И в скором времени мечта стала явью. Покровитель приобрел для крестника слегка поношенный «боевой наряд», оставшийся от неизвестного матадора.

Предстояла новильяда, устроенная с благотворительной целью, и влиятельные любители тавромахии, жадные до всего нового, договорились меж собой включить Хуана в число матадоров без вознаграждения.

Сын сеньоры Ангустиас не желал появиться на афишах под кличкой Сапатерина. Ему не терпелось предать забвению прозвище, напоминавшее о жалком ремесле. Он жаждал прославиться под именем своего отца, быть просто Хуаном Гальярдо. Долой все прозвища, они могут напомнить о его низком происхождении богачам, с которыми он мечтал в недалеком будущем завести дружбу.

Все предместье Ферия поспешило на новильяду, шумно выражая радость за своего земляка. Жители Макарены тоже были заинтересованы в его успехе, а за ними потянулись и остальные народные окраины, с воодушевлением разделяя общий восторг. Новый матадор из Севильи!.. Билетов не хватило, и за воротами цирка шумела тысячная толпа, нетерпеливо ожидая результатов корриды.

Гальярдо выступил, успешно заколол одного быка, был отброшен другим, не получив при этом ранения, и своими дерзкими выходками, из которых большинство закончилось удачей, держал зрителей в постоянном напряжении, вызывая оглушительный рев одобрения. Влиятельные любители одобрительно улыбались. Новичку нужно еще много учиться, но он обладает отвагой и упорством, а это самое главное.

– Парень не хитрит и смело бросается на быка, чтобы его прикончить.

Красотки – подружки юного тореро – сходили с ума от восторга: то и дело вскакивая с места, сверкая влажными глазами и брызгая слюной, они настолько забылись, что среди бела дня вслух выражали свои нежные чувства, о которых принято шептать лишь по ночам. Одна из них бросила на арену свою шаль, другая, чтобы не отстать от соперницы, – блузку и корсаж, третья скинула с себя юбку, а соседи только смеялись, ухватив их за руки, чтобы они, чего доброго, сами не бросились на арену или не остались в одной сорочке.

На теневой стороне амфитеатра старый чиновник прятал растроганную улыбку в седой бороде, восхищенный смелостью мальчугана и его прекрасной осанкой в «парадном» наряде. Когда бык отбросил юного тореро в сторону, взволнованный старик в изнеможении откинулся в кресле: он был близок к обмороку.

Сидя за вторым барьером, самодовольно пыжился муж Энкарнасьон, сестры нового матадора, шорник²⁰, владелец мелочной лавочки, человек положительный, враг безделья, который женился на красивой табачнице ради ее прелестных глаз, поставив, однако, условием, что она порвет всякие отношения со своим лодырем братом.

Оскорбленный Гальярдо никогда не переступал порога лавки, находившейся на окраине Макарены, а встречаясь с шурином изредка в доме матери, обращался к нему только на «вы».

– Пойду погляжу, как забросают апельсинами твоего бессовестного братца, – сказал шорник жене, собираясь в цирк.

²⁰ Шорник – мастер по изготовлению из кожи конской упряжи (шор, сбруи), а также ремней, чемоданов, бумажников, портмоне и т. д.

Теперь же, сидя за барьером, он шумно приветствовал тореро, называл его Хуанильо, обращаясь к нему на «ты», и положительно растаял от удовольствия, когда Гальярдо, привлеченный громкими возгласами зятя, ответил ему взглядом и взмахом шпаги.

– Это мой шурин, – самодовольно объяснял всем и каждому счастливый шорник. – Я постоянно твердил, что мальчик сделает карьеру на арене. Моя супруга и я всегда ему помогали...

Возвращение Хуана из цирка превратилось в подлинный триумф. В неистовом восторге толпа, казалось, была готова растерзать героя дня. К счастью, подле него оказался шурин, который вовремя прикрыл его своим телом, навел порядок и усадил победителя рядом с собой в экипаж.

Огромная толпа провожала Гальярдо до убогого домишки в предместье Ферия; то была настоящая народная демонстрация. Привлеченные шумными возгласами, из домов высыпали обитатели. Весть о триумфе достигла предместья раньше, чем подъехал экипаж, и все соседи спешили поглядеть вблизи на победителя, пожать ему руку.

Сеньора Ангустиас с дочерью стояли на пороге дома. Шорник почти на руках вынес шурина из коляски и в качестве представителя семьи полностью завладел им, бесцеремонно отстраняя поклонников, чтобы они и пальцем не дотронулись до Гальярдо, словно тот был тяжелобольным человеком.

– Вот твой брат, Энкарнасьон, – сказал шорник, подталкивая Хуана к жене. – Заткнул за пояс самого Рожер де Флора!²¹

Энкарнасьон не требовалось никаких объяснений по поводу Рожер де Флора; она хорошо знала, что муж, смутно припоминая давно прочитанную повесть, приписывал этому историческому персонажу все величайшие подвиги, решаясь соединять его имя лишь с событиями из ряда вон выходящими.

Вернувшиеся из цирка соседи осыпали сеньору Ангустиас любезностями, с восторгом и благоговением взирая на ее объемистый живот.

– Слава матери, родившей такого отважного сына!

Приятельницы оглушали ее восклицаниями: экое счастье привалило! Ведь сын будет зарабатывать пропасть денег!

Глаза бедной женщины выражали удивление и недоверие. Неужто и впрямь ради ее Хуанильо сбежалась с неистовыми криками вся эта толпа? Право, похоже, что люди спятили.

Но внезапно она бросилась к сыну на грудь, словно раскаиваясь в постыдном заблуждении; как дурной, мучительный сон исчезло прошлое. Толстыми, дряблыми руками она обвила шею сына, орошая потоком слез его лицо.

– Сынок! Хуанильо! Как бы на тебя порадовался бедный отец!

– Не плачьте, мама... Сегодня такой радостный день. Вот увидите, если бог пошлет мне счастье, я построю для вас дом, вы будете разъезжать в карете и носить такую мантилью из Манилы, что все с ума сойдут от зависти.

Шорник одобрительно кивал головой, подтверждая эти величественные планы Хуанильо, меж тем как ошеломленная Энкарнасьон не могла прийти в себя от удивления при виде такой резкой перемены в муже.

– Да, Энкарнасьон, твой брат далеко пойдет, если захочет... Это что-то необычайное! Он превзошел самого Рожер де Флора!

Вечером в тавернах на окраине города и в кафе только и разговору было что о Гальярдо.

– Тореро с будущим. Ну до чего же ловок! Всех кордовских калифов за пояс заткнет!

²¹ *Рожер де Флор* (1267–1305) – каталонский авантюрист и пират, возглавивший в 1303–1305 гг. экспедицию каталонских наемников в Византию.

В этих похвалах сквозила радость уроженцев Севильи, постоянно соперничавших с Кордовой, которая не без основания гордилась своими искусными тореро.

После этого дня жизнь Гальярдо в корне изменилась. Молодые сеньоры, дружески приветствуя его, приглашали за свой столик на террасе кафе. Красотки, которые в трудные времена подкармливали юношу и пеклись о его гардеробе, были с презрением забыты. Даже старик покровитель, видя, что в нем больше не нуждаются, благоразумно отступил и перенес свое нежное участие на других новичков.

Владельцы цирка всячески льстили Хуану, точно он стал уже знаменитостью. Если на афишах стояло его имя, сбор был обеспечен: билеты покупались нарасхват. Толпа восторженно принимала «сына сеньоры Ангустиас» и не скупилась на похвалы смельчаку. Слава Гальярдо распространилась по всей Андалузии, и шорник, не ожидая приглашения, вмешивался во все, самовольно взяв на себя роль защитника интересов новичка.

Считая себя необычайно опытным и предусмотрительным во всех делах, он наметил для шурина план на всю жизнь.

– Твой брат, – говорил он жене, укладываясь спать, – нуждается в помощи надежного человека, который умел бы толково вести его дела. Согласись, ему было бы очень выгодно пригласить меня своим доверенным. Я для него настоящая находка. А он для нас... Ведь Хуанильо перещеголяет самого Рожер де Флора.

И шорник мысленно подсчитывал огромные заработки Гальярдо, думая при этом о своих уже имеющихся пяти отпрысках, а также о тех, которым суждено появиться в будущем, ибо шорник был неутомим и весьма плодовит в своей супружеской верности. Как знать, не перейдут ли в конце концов к племянникам денежки матадора.

В течение полутора лет Хуан убивал бычков на всех лучших аренах Испании. Слава о нем докатилась до Мадрида. Столичные любители были не прочь познакомиться с «парнем из Севильи», о котором столько писали газеты и так часто толковали андалузские знатоки.

Окруженный проживающими в Мадриде земляками, Гальярдо прогуливался по улице Севильи мимо Английского кафе. Уличные красотки улыбались в ответ на его любезности, пожирая глазами массивную золотую цепь и крупные бриллианты, которые молодой тореро поспешил приобрести в счет настоящих и будущих заработков. Матадору рекомендуется не жалеть денег на украшение своей особы и не скупиться на щедрое угощение приятелей. В далекое прошлое канули дни, когда он вместе с беднягой Чирипой бродил по этой же самой улице, прячась от полицейских, восторженно созерцая настоящих тореро и подбирая брошенные ими окурки.

Выступление Гальярдо в Мадриде прошло удачно. Он завязал новые знакомства, вокруг него образовалась группа падких до новизны поклонников, которые также провозгласили Хуана «матадором, подающим надежды», и возмущались, что ему не дают альтернативы²² в столице.

– Он будет лопатой загребать деньги, Энкарнасьон, – говорил шорник, – и, если с ним не случится беды, ему обеспечены миллионы.

Жизнь семьи также коренным образом изменилась. Гальярдо, который теперь вел знакомство с севильскими сеньорами, не желал, чтобы мать по-прежнему жила в убогом домишке, как во времена нужды. Ему хотелось переехать на лучшую улицу города; но сеньора Ангустиас осталась верна предместью Ферия, как и все простые люди, которые на старости лет привязываются к месту, где прошла их молодость.

Семья переехала в лучший дом. Мать больше не работала, и соседки наперебой ухаживали за ней, зная, что добрая женщина в случае нужды не откажется выручить их. Кроме кри-

²² *Альтернатива* – церемония, на которой опытный матадор отдает новильеро свою шпагу, мулету и своего первого быка. После боя новильеро разрешается называться матадором.

чащих драгоценностей, Хуан приобрел все, что полагается удачливому тореро: резвую гнедую лошадь, богато отделанное седло и попону с цветной бахромой. Он гарцевал по улицам Севильи с единственной целью вызвать шумные приветствия друзей, встречавших своего любимца бурными «оле!». Так удовлетворялась его жажда популярности. Иногда накануне большой корриды он отправлялся с блестящей кавалькадой сеньорито на пастбища Таблады посмотреть на быков, которых предстояло заколоть другим матадорам.

– Когда наступит мой черед... – то и дело повторял Гальярдо, связывая с этим событием надежды на будущее.

К этому времени он приурочивал целый ряд планов, задумав ошеломить мать, бедную женщину, напуганную неожиданно свалившимися на нее благами, дальше которых не шло ее воображение.

И наконец пришел долгожданный день. Гальярдо был признан матадором.

Посреди арены Севильи, на глазах у всей публики, прославленный маэстро вручил ему свою шпагу и мулету, и толпа обезумела от восторга, когда Гальярдо одним ударом шпаги покончил со своим первым «серьезным» быком. На следующий месяц докторант тавромахии был окончательно утвержден в своих правах на арене Мадрида, где другой, не менее прославленный маэстро доверил ему свою шпагу в бою против миурских быков.

Так из новильеро²³ Хуан превратился в матадора; имя его появлялось рядом с именами старых тореро, на которых юноша, принимавший участие лишь в небольших сельских капеях, еще недавно взирал как на недоступных богов. Хуану припомнилось, как он вместе со своей «квадрилей» поджидал на железнодорожной станции близ Кордовы одного из знаменитых тореро в надежде на подачку. В тот день голодным паренькам удалось пообедать лишь благодаря неизменной щедрости, принятой среди людей, носящих косичку, братской щедрости, которая побуждает эспаду, сорящего деньгами, протянуть дуру или сигару маленькому оборванцу, пробующему свои силы в первых капеях.

Предложения сыпались на нового тореро дождем. Его желали видеть на всех аренах Полуострова с жадностью людей, падких до новизны. Профессиональные газеты помещали его фотографии и печатали всевозможные небылицы из его жизни, сдабривая рассказы основательной долей романтизма. Еще ни у одного матадора не было столько контрактов. Ему суждено зарабатывать пропасть денег.

Негодующий шорник искал сочувствия у жены и тещи.

Низкая, черная неблагодарность! Так поступают все, кто слишком быстро идет в гору! Ведь он, Антонио, из кожи лез вон, устраивая для Хуана первые новильяды... А теперь, когда Хуан стал маэстро, он взял себе доверенным какого-то неведомого дона Хосе, не имеющего никакого отношения к семье и прельстившего Хуана своим престижем старого знатока тавромахии.

– Он еще пожалеет об этом, – говорил Антонио в заключение. – Пренебрегать семьей! Да где он еще найдет искреннюю любовь, как не среди родных, знавших его с пеленок? Он много теряет. Под моей опекой ему жилось бы, как самому...

Но тут Антонио умолкал, проглатывая имя знаменитого человека из страха перед насмешками бандерильеро и любителей, ставших завсегдатаями в доме Гальярдо и уже успевших подметить слабость шорника к историческому персонажу.

С великодушием героя Гальярдо постарался умаслить зятя и поручил ему наблюдение за постройкой нового дома, дав ему при этом полную свободу в расходах.

Упоенный той неожиданной легкостью, с какой сыпались на него деньги, эспада не возражал, чтобы зять погрел себе руки на этом деле, стараясь вознаградить тщеславного родича за постигшее его разочарование.

²³ Новильеро – новичок корриды, не профессиональный матадор.

Тореро выполнял задуманное – строил для матери дом. Бедняжка провела свою жизнь за мытьем полов у богатей, пускай же теперь у нее будет собственный дом с великолепным патио, выложенным мраморными плитами, с мозаичным фризом, с роскошной обстановкой и служанками, множеством служанок, которые будут ей во всем угождать. Подобно матери, Гальярдо был связан неразрывными узами с предместьем, где протекло его нищенское детство. Ему нравилось пускать пыль в глаза тем самым людям, у которых работала поденщицей его мать, и сунуть горсть песет тому, кто чинил башмаки у его покойного отца или в трудную минуту подкармливал его, Хуанильо. Он купил на слом несколько старых домов, в том числе и тот, в подворотне которого башмачил его отец, и начал постройку здания с белыми стенами, зелеными решетками на окнах, с прихожей, выложенной изразцами, и с чугунной дверью в тонких завитках, через которые будет виден фонтан посреди патио, мраморные колонны и подвешенные между ними золоченые клетки с говорящими птицами.

Радость Антонио, получившего полную и бесконтрольную свободу действий в руководстве постройкой, омрачилась неожиданной и неприятной новостью.

У Гальярдо оказалась невеста. Разъезжая в разгар лета по Испании и срывая аплодисменты толпы на всех аренах, он что ни день посылал письма одной девушке, проживавшей по соседству с семьей, и часто между двумя корридами покидал своих товарищей, чтобы провести вечер в нежной беседе под ее окошком.

– Видели вы что-нибудь подобное? – кричал негодующий шорник у «семейного очага», то есть в обществе жены и тещи. – Завел себе невесту, и ни слова семье, а ведь семья – это самое дорогое на свете. Сеньор задумал жениться. Мы ему, как видно, надоели. Какое бесстыдство!

Молчаливая Энкарнасьон полностью разделяла справедливое негодование мужа, о чем свидетельствовало возмущенное выражение ее грубоватого красивого лица: она была рада случаю осудить поведение брата, удачи которого вызывали у нее глухую зависть. Что говорить, он и в детстве был бессовестным.

Но мать не соглашалась с ними:

– Ерунда! Девушку я отлично знаю, она дочь моей покойной подруги на фабрике. Не жена, а золото, сама доброта и скромность. Я сказала Хуану – женись, и чем скорее, тем лучше.

Девушка была сирота и жила в семье дяди и тети, владельцев съестной лавки в предместье. Отец, бывший торговец водкой, оставил ей два домика в окрестностях Макарены.

– Это не много, – продолжала сеньора Ангустиас, – но как-никак девушка не явится в дом с пустыми руками. А уж нарядов! Господи боже! У девушки золотые руки. Что за вышивки, с каким усердием готовит она себе приданое!

Гальярдо лишь смутно помнил, что в детстве они вместе играли близ подъезда, где отец чинил башмаки, меж тем как матери вели беседу. Ловкая, как ящерица, тоненькая смуглая девчурка с огромными цыганскими глазами – словно две чернильные капли темнели на ее голубоватых белках с бледно-розовыми уголками. Она бегала проворно, как мальчик, тонкие ножки так и мелькали, а непокорные завитки волос развевались по ветру, будто черные змейки. Потом он потерял из виду свою маленькую подругу и встретился с ней лишь много лет спустя, когда начинал завоевывать себе известность как новильеро.

Был праздник Тела Господня, один из немногих дней, когда женщины, рабыни восточной лени, подобно мавританкам, покидающим заточение, выходят на улицу в своих кружевных мантильях с гвоздиками на груди. Гальярдо увидел стройную высокую девушку с крепким, точно налитым телом, с тонкой талией, перехваченной кушаком, и упругими, развитыми бедрами. При встрече с тореро ее бледное, матовое лицо зарделось, большие сверкающие глаза скрылись под длинными ресницами.

«Красотка знает меня, – с самодовольной усмешкой подумал Гальярдо. – Уверен, что она видела меня на арене».

Он последовал за девушкой, которая шла в сопровождении тетки, и, узнав, что это Кармен, подруга его детства, почувствовал смутное восхищение перед такой чудесной переменой.

Они стали женихом и невестой, и соседи, чрезвычайно польщенные такой честью для их предместья, только и говорили, что об отношениях между молодыми людьми.

– Уж таков мой нрав, – со снисходительным видом сказочного принца говорил Гальярдо в кругу своих поклонников. – Не желаю брать пример с других тореро, которые женятся на сеньоритах в модных платьях и шляпках с перьями. Мне нравятся девушки из моей среды. Богатая мантилья, скромность и изящество. Оле!

Друзья восторженно расхваливали девушку. Настоящая королева! Ее пышные бедра любого сведут с ума. А что за грудь! Но тут тореро делал нетерпеливый жест. Попрдержите-ка язык! Чем меньше будут говорить о Кармен, тем лучше.

По вечерам, когда Хуан беседовал с ней через решетку окна, не отрывая глаз от ее смуглого личика, обрамленного цветами, из соседней таверны появлялся слуга, неся перед собой большую бутылку мансанильи. Его посылали «взыскать плату за квартиру» – старый севильский обычай, применявшийся в тех случаях, когда жених беседовал с невестой через решетку.

Тореро выпивал стаканчик, угощал невесту и говорил слуге:

– Передай сеньорам, что я благодарю их и загляну в таверну попозже, когда освобожусь. Да скажи Монтаньесу, пускай не беспокоится. Хуан Гальярдо платит за все.

Закончив беседу с Кармен, он и в самом деле отправлялся в таверну, где его поджидала компания, приславшая слугу с угощением; случалось, то были старые друзья, а то и вовсе незнакомые люди, желавшие распить с тореро бутылочку.

Вернувшись после своей первой поездки по Испании в качестве профессионального матадора, Хуан проводил все зимние вечера под окном Кармен в накинутом на плечи изящном плаще из зеленой шерсти, с короткой пелериной, отделанной вышитыми черным шелком виноградными листьями и арабесками.

– Говорят, ты много пьешь, – вздыхала Кармен, прильнув лицом к железной решетке.

– Ерунда! Случается, друзья угощают, вот и приходится ответить тем же. Понимаешь, тореро... тореро нельзя жить монахом.

– Говорят, ты водишься с дурными женщинами.

– Вранье! Раньше, когда я тебя не знал, другое дело... Черт возьми! Хотел бы я знать, какая скотина передает тебе эти сплетни...

– Когда же мы поженимся? – спрашивала девушка, чтобы прервать поток негодующих слов.

– Как только будет кончен дом. По мне, хоть завтра. Но этот болван, мой зять, тянет и тянет. Конечно, он хорошо устроился, и торопиться ему незачем.

– Когда мы поженимся, Хуанильо, увидишь, какой я заведу порядок. Все пойдет отлично. И увидишь, как твоя мать полюбит меня.

Так беседовали они в ожидании свадьбы, о которой толковала вся Севилья. Приютившие Кармен дядя и тетя часто обсуждали вместе с сеньорой Ангустиас предстоящее событие; но, несмотря на это, тореро почти никогда не показывался в доме невесты, словно вход туда был ему категорически воспрещен. И жених и невеста предпочитали видаться по старому обычаю через решетку окна.

Прошла зима. Гальярдо отправился верхом на охоту вместе с кавалькадой сеньорито, которые обращались к нему покровительственно на «ты». Необходимо было постоянно тренироваться для предстоящего сезона коррида. Хуан боялся утратить свои достоинства – проворство и силу.

Импресарио Хуана, некий дон Хосе, без устали расхваливал таланты Гальярдо, называя его «своим матадором». Он вмешивался решительно во все дела молодого тореро, не уступая своих прав даже членам семьи. Сеньор Хосе жил на ренту, и все его занятия в жизни ограни-

чивались лишь разговорами о быках и матадорах. Для него не существовало на свете ничего интереснее корриды; народы мира он делил на два лагеря: на избранные нации, в чьих странах имеются арены для боя быков, и на толпы обездоленных, не знающих ни солнца, ни радости, ни хорошей мансанильи и тем не менее считающих себя могущественными и счастливыми, хотя им в жизни не приходилось видеть даже самой захудалой корриды с молодыми бычками.

Дон Хосе отдавался своей страсти с пылом воина и безрассудством фанатика-изувера. Русобородый, еще молодой, но уже дородный и облысевший, этот отец семейства отличался в повседневной жизни веселым, покладистым нравом, но способен был прийти в неистовую ярость, если сосед по креслу в амфитеатре не соглашался с его мнением. Защищая своего излюбленного тореро, он готов был вступить в бой со всеми зрителями и возмущенными возгласами прерывал рукоплескания, если они предназначались другому матадору, не заслужившему его расположения.

В свое время дон Хосе служил в кавалерии, скорее из любви к лошадям, чем к военному делу. Ранняя тучность и страсть к бою быков заставили его выйти в отставку, и он проводил лето в цирке, а зиму в кафе, в неутомимых беседах о корриде. Стать руководителем, наставником, доверенным эспады! Когда у него вспыхнуло это желание, все маэстро уже были обеспечены постоянными доверенными, и появление Гальярдо оказалось для него настоящим благом. Малейшее сомнение в достоинствах нового тореро приводило дон Хосе в бешенство, любой спор по вопросам тавромахии воспринимался им как личное оскорбление. Хвастливо, точно о боевом подвиге, рассказывал он, как однажды в кафе избил тростью двух злоречивых сплетников, посмеявшихся издеваться над тем, что «его матадор» слишком хорош собой.

Не довольствуясь возможностью расточать похвалы Хуану в газетах, он любил солнечным зимним утром остановиться на углу улицы Сьерпес, где частенько прогуливались его друзья.

– Нет, второго такого не сыщешь, – говорил он громко, будто беседуя сам с собой и делая вид, что не замечает приближающихся к перекрестку приятелей. – Первый матадор в мире! И пусть кто-нибудь попробует возразить!.. Единственный в мире!..

– О ком это ты? – ехидно спрашивали приятели, словно не догадываясь, о ком идет речь.

– Что за вопрос! Конечно, о Хуане!

– О каком Хуане?

Жест изумления и негодования:

– Дикари! Слово у нас несколько Хуанов! О Хуане Гальярдо!

– Право, ты спятил! – смеялись приятели. – Ты просто влюблен в него. Уж не собираешься ли ты на нем жениться?

– И женился бы, да он не захочет, – не раздумывая, отвечал пылкий дон Хосе.

Заметив вдалеке других приятелей, он обрывал спор с насмешниками и снова вызывающе повторял:

– Нет, другого такого не сыщешь! Первый матадор в мире! А кто не согласен, пускай только пикнет – уж он будет иметь дело со мной!

Свадьба Гальярдо превратилась в целое событие. День этот совпал с новосельем в доме, составлявшем гордость шорника, который с таким самодовольством показывал гостям патио, колонны и изразцы, будто они были произведением его рук.

Венчание состоялось в церкви Святого Хилия, перед статуей Божьей Матери, дарующей надежду, известной под названием «Макаренской». При выходе свадебного кортежа из церкви вспыхнули в лучах солнца яркие причудливые цветы и птицы на китайских шaliaх многочисленных подружек невесты. Посаженым отцом был депутат Кортесов. Среди белых и черных фетровых шляп сверкали цилиндры доверенного и прочих богатых сеньоров, сторонников Гальярдо. Они самодовольно улыбались, радуясь случаю пройтись на виду у всех рядом с тореро и разделить таким образом его популярность.

У дверей дома целый день раздавали милостыню. Нищие тянулись из окрестных сел, привлеченные слухом о необычайной свадьбе.

В патио шел пир горой. Щелкали аппаратами фотографы из мадридских газет. Свадьба Гальярдо была национальным праздником. До поздней ночи звенели гитары, хлопали в лад руки и неумолимо стучали кастаньеты. Девушки, изогнувшись, били маленькими ножками о мраморные плиты, вихрем взметались пышные юбки и реяли шали вокруг стройных станов, колыхавшихся в такт севильянам²⁴. Рекой лились драгоценные андалузские вина; ходили по кругу бокалы искрящегося хереса, обжигающей монтильи и бледной ароматной мансанильи из погребов Санлукара.

Все напились допьяна; но то было сладкое, чуть грустное опьянение, выражавшееся лишь в глубоких томных вздохах да песнях, которые подхватывались хором, заунывных песнях о тюрьме, о смерти, о бедной матери – неизменные мотивы народной лирики Андалузии.

В полночь разошлись последние гости, и молодые остались одни с сеньорой Ангустиас. Покидая вместе со своей супругой дом новобрачных, шорник в отчаянии махнул рукой. Он был пьян и кипел негодованием – ведь никто за весь день даже не взглянул на него. Словно он был ничтожеством! Словно всем наплевать на семью!..

– Нас выгоняют из дому, Энкарнасьон. Эта девчонка с личиком Мадонны Макаренской станет полновластной хозяйкой, и нам здесь больше надеяться не на что. Увидишь, дети посыплются как из мешка.

Плодовитый муж негодовал при мысли о грядущем потомстве матадора – ведь оно появится на свет с единственной целью навредить его детям.

Время шло; пролетел год, а предсказание Антонио все не сбывалось. Гальярдо показывался с женой на всех празднествах, оба разодетые в пух и прах, как подобает богатой и популярной чете; она носила шали, приводившие в восторг женщин, живших в бедности; он сверкал бриллиантами и в любую минуту был готов раскошелиться, чтобы угостить знакомых или подать милостыню нищим, которые толпами ходили за ним. Цыганки, смуглые и болтливые, как ведьмы, осаждали Кармен радостными предсказаниями. Да будет с ней благословение божье! У нее родится сын, прекрасный, как солнце. По глазам видно. Ребенок уже на полпути...

Но напрасно краснела счастливая Кармен, стыдливо опуская ресницы; напрасно горделиво и молодцевато приосанивался эспада, не терявший надежды дожидаться желанного ребенка. Ребенка не было.

Так прошел и второй год, а надежды супругов все не сбывались. Сеньора Ангустиас, бывало, пригорюнится, едва зайдет разговор о неожиданном разочаровании. У нее были уже внуки, дети Энкарнасьон, которые по приказу шорника проводили целый день в доме бабки, стараясь во всем угодить своему знаменитому дядюшке. Но сеньора Ангустиас, страстно желавшая загладить перед Хуаном все промахи прошлого, ждала внука от него, мечтая воспитать малыша на свой лад и отдать ему ту любовь, которой она лишила сына в его нищенском детстве.

– Я знаю причину, – с грустью говорила она. – У бедняжки Кармен нет покоя. Видели бы вы только, что с ней творится, пока Хуан разъезжает по Испании.

Зимой, когда тореро сидел дома и лишь ненадолго выезжал в деревню взглянуть на молодых быков или поохотиться, все шло хорошо. Кармен была счастлива, зная, что мужу не грозит опасность. Она то и дело смеялась, с аппетитом ела, свежее лицо ее оживлялось краской здоровья. Но наступала весна, Хуан снова начинал разъезжать по Испании, и бедняжка бледнела, худела, впадала в мучительное оцепенение и, уставившись широко открытыми глазами в даль, готова была разразиться слезами при малейшем напоминании об опасности.

²⁴ *Севильяна* – популярный танец в Испании, без него не обходится ни один праздник, ярмарка или массовое гуляние; достаточно прост в исполнении.

– У Хуана в этом году семьдесят две корриды, – говорили друзья, подсчитывая договоры эспады. – Больше, чем у кого бы то ни было из маэстро.

Кармен страдальчески улыбалась. Семьдесят два дня томительного ожидания телеграммы, которую она жаждала и в то же время боялась получить, терзаясь, как преступник в часовне в ночь перед казнью. Семьдесят два дня, исполненных суеверных предчувствий и тревожных опасений, не повлияет ли на судьбу отсутствующего случайно пропущенное слово в молитве. Семьдесят два дня мучительной жизни в мирном доме среди беспечных домочадцев, где лениво и невозмутимо текут дни, словно в мире не происходит ничего необычного. По-прежнему доносятся из патио веселые крики племянников, а с улицы слышатся протяжные возгласы продавца цветов, меж тем как далеко, очень далеко отсюда, в неведомом городе перед тысячной толпой Хуан вступает в единоборство с разъяренным животным, каждым взмахом пунцового плаща бросая смелый вызов смерти.

О, эти дни корриды, дни торжественного национального праздника, когда небо кажется прекраснее обычного, на опустевших улицах гулко стучат шаги воскресных прохожих, а в таверне на углу льются под звон гитары песни и мерно бьют ладони! Одевшись победнее, в низко опущенной на глаза мантилье, Кармен выходит из дому и, словно спасаясь от тягостного кошмара, ищет приюта в церкви. Ее простодушная вера, которая под влиянием страха превращается в суеверие, гонит ее от одного алтаря к другому, а усталая память перебирает и взвешивает заслуги и чудеса каждого святого. Кармен входит в почитаемую народом церковь Святого Хиля, бывшую свидетельницей самого счастливого дня ее жизни, опускается на колени перед Святой Девой Макаренской, заказывает свечи, множество восковых свечей, и при красноватом отблеске их пламени напряженно вглядывается в смуглое лицо статуи, в ее черные глаза под длинными ресницами, похожие, как уверяют люди, на глаза Кармен. Молодая женщина доверяет ей. Недаром же зовется она Богородицей, подающей надежду. Своей божественной властью она сохранит Хуана в час опасности.

Но вдруг мучительное сомнение закрадывается в сердце молящейся. Ведь Богородица – женщина, а у женщин так мало власти! Их удел – страдания и слезы: одна оплакивает мужа, другая – сына. Нет, на нее полагаться нельзя, надо искать более надежного и могущественного заступника.

И Кармен без колебаний покидает Макаренскую Божью Матерь; с эгоизмом человека, отвергающего в трудную минуту бесполезного друга, она спешит в церковь Святого Лаврентия к Иисусу Христу – великому владыке, к богочеловеку с терновым венцом на челе, согбенному под крестной ношей: страстотерпец, изваянный скульптором Монтаньесом²⁵, внушает верующим невольный страх.

Созерцание назареянина, изнывающего под тяжестью креста на каменистом пути, утешает печаль несчастной Кармен. Великий владыка!.. Это необычайное и величественное имя действует успокаивающе. В надежде, что всемогущий бог в одеянии из лилового бархата не откажется выслушать ее горестные вздохи, она скороговоркой, с головокружительной быстротой читает молитвы, стараясь уместить возможно больше слов в минуту, и начинает верить, что ее Хуан останется невредимым.

Дав службе денег на свечи, Кармен в трепетном пламени огненных языков часами созерцает статую Христа, и ей кажется, будто на лакированном лице, который то светлеет, то вновь погружается в темноту, скользит улыбка утешения, возвещающая радость.

И Всемогущий не обманывал Кармен. Вернувшись домой, она заставляла голубую депешу и, открыв ее трепещущей рукой, читала: «Все в порядке». Наконец-то можно перевести дух,

²⁵ *Монтаньес Хуан Мартинес* (1568–1649) – один из самых известных скульпторов испанского Ренессанса; создавал скульптуры из дерева, затем покрывал их позолотой и раскрашивал.

уснуть сном преступника, на время освобожденного от угрозы казни. Но через два-три дня опять нависала опасность, и страшная пытка неизвестностью начиналась сызнова.

Несмотря на горячую любовь к мужу, в сердце Кармен порой закипал гнев. Ах, если бы она знала до замужества, что это за существование!.. Иногда она шла к женам тореро из квадрильи Хуана, пытаясь найти облегчение в общем горе, услышать слово участия.

Жена Насионаля, державшая харчевню в том же предместье, спокойно встречала жену маэстро, не разделяя ее страхов. Она успела уже привыкнуть к этой жизни. Нет вестей? Ну, значит, муж жив и здоров. Телеграммы обходятся недешево, а бандерильеро так мало зарабатывают. Если продавцы газет не кричат о несчастье, очевидно, ничего не случилось. И женщина продолжала спокойно обслуживать посетителей, словно тревога не проникала в ее приглушенное сознание.

Случалось, Кармен переходила мост и шла в Триану, где в лачуге, похожей на курятник, жила жена пикадора Потахе, смуглая, как цыганка, вечно окруженная черномазыми малышами, на которых она то и дело грозно покрикивала. Приход жены маэстро наполнял жену пикадора гордостью, но страхи Кармен вызывали у нее только усмешку. Бояться незачем. Ведь матадор не верхом, а на ногах, небось увернется от быка, к тому же сеньор Хуан Гальярдо в этом деле так ловок. Самое страшное – это не рога, а падение с лошади. Конец пикадора известен, если он не переломает себе все кости и не подохнет тут же на месте, так наверняка угодит в сумасшедший дом. Не избежать этого конца и бедняге Потахе; и за всю эту муку он получает какую-то пригоршню дура, тогда как другие...

Впрочем, последних слов она не произносила, только глаза ее метали гневные искры против несправедливости судьбы, против этих молодцов, которые, взяв в руки шпагу, срывают аплодисменты, славу и деньги, а между тем рискуют ничуть не больше смиренных пикадоров.

Мало-помалу Кармен свыклась с новой жизнью. Тоска ожидания в дни корриды, паломничество по церквам, суеверные предчувствия – все это она принимала как неизбежное зло своего существования. Кроме того, неизменная удача, сопутствовавшая ее мужу, и постоянные рассказы о всевозможных случаях на арене приучили ее к опасностям. Свирепый бык превратился в ее воображении в добродушное и благородное животное, родившееся на свет лишь затем, чтобы принести матадору деньги и славу.

Кармен никогда не бывала на корридах. С того дня, как она впервые увидела своего будущего мужа на новильяде, она больше не появлялась в цирке. У нее не хватало мужества присутствовать на бое быков даже в тот день, когда Гальярдо не принимал в нем участия. Она умерла бы от ужаса, глядя, как рискует жизнью ее Хуан.

Три года спустя после женитьбы эспада был поднят на рога в Валенсии. Кармен не сразу узнала о несчастье. Телеграмма пришла своевременно и гласила обычное «все в порядке». Об этом позаботился доверенный Хуана, дон Хосе; он ежедневно приходил в дом и очень долго прятал от Кармен газеты, так что целую неделю молодая женщина ничего не знала о беде.

Узнав о случившемся от проболтавшейся соседки, она решила немедленно ехать, чтобы ухаживать за мужем, который в ее представлении валялся где-то, брошенный на произвол судьбы. Но она опоздала: эспада вернулся, прежде чем Кармен успела выехать; нога его была обречена на продолжительную неподвижность, он побледнел от сильной потери крови, но, чтобы успокоить семью, весело улыбался.

С этого дня дом тореро превратился в своего рода святилище: сотни людей прошли через патио, желая приветствовать Гальярдо: «первый матадор мира» сидел в плетеном кресле, большая нога его покоилась на табурете, а сам он покуривал как ни в чем не бывало, словно забыв о тяжелом ранении.

Не прошло и месяца, как доктор Руис, сопровождавший Хуана в Севилью, объявил его здоровым, удивляясь крепкому организму юноши. Несмотря на многолетнюю практику хирурга, быстрота, с которой поправлялись тореро, все еще оставалась для него загадкой. Обаг-

ренные кровью и перепачканные навозом рога животного, зачастую расщепленные на тончайшие острия, проникали в глубь тела, рвали мускулы и разрушали ткани. И, однако, эти жестокие раны заживали куда быстрее, чем самые обыкновенные.

– Не пойму, в чем тут дело, – с удивлением говорил старый хирург. – Одно из двух: либо на этих молодцах все заживает как на собаке, либо рога, несмотря на свою загрязненность, обладают таинственной целительной силой.

Спустя короткое время Гальярдо уже снова выступал на арене, причем полученное ранение несколько не охладило его пыла и не умалило его отваги, как это предсказывали завистливые недоброжелатели.

Через четыре года после женитьбы эспада преподнес жене и матери замечательный сюрприз: он приобрел землю, настоящее поместье с пашнями, терявшимися на горизонте, оливковыми рощами, мельницами, огромными стадами, такое же поместье, какими владеют богатые сеньоры Севильи.

Подобно всем тореро, Гальярдо лелеял мечту стать помещиком, завести табуны лошадей, стада и отары. Богатства горожанина – ценные бумаги и прочее – не соблазняют матадоров; они в них ровно ничего не смыслят. Быки наводят их на мысль о зеленых пастбищах; лошади напоминают им сельскую жизнь. Необходимость постоянной тренировки, дальние прогулки и охота в зимние месяцы заставляют их мечтать о собственной земле.

Гальярдо считал богатым человеком лишь землевладельца и скотовода. Еще во времена нищенского детства, когда он ходил пешком по дорогам мимо оливковых рощ и пастбищ, им владела мечта приобрести собственную землю, много земли, огороженной колючей проволокой, чтобы никто из чужих не смел к нему проникнуть.

Дон Хосе, доверенный Хуана, знал об этой мечте. Располаясь всеми доходами тореро, он получал деньги за его выступления и вел счет, в тайну которого он тщетно пытался посвятить «своего матадора».

– Ничего я в этом не смыслю, – отговаривался Гальярдо, довольный своим невежеством. – Мое дело бить быков. Поступайте, как находите нужным, дон Хосе, я вам полностью доверяю и знаю, что все будет сделано как нельзя лучше.

И дон Хосе, едва вспоминая о собственных делах, которыми кое-как управляла его жена, целиком отдавался заботам о капиталах Гальярдо и с алчностью ростовщика накупал для него акции, думая лишь о приумножении его богатств.

Однажды дон Хосе с довольной улыбкой подошел к своему подопечному.

– Я нашел как раз то, что тебе нужно. Громадное имение, к тому же по сходной цене – истинная находка. На будущей неделе подпишем купчую.

Гальярдо спросил, где находится и как называется это имение.

– Оно называется Ринконада.

Так сбылась его давнишняя мечта.

Когда Гальярдо вместе с женой и матерью отправился в Ринконаду, чтобы вступить во владение поместьем, он показал им сеновал, где, бывало, проводил ночь со своими товарищами по бродячей жизни, столовую, где обедал вместе с хозяином, и площадку, где заколот быка, впервые заслужив право проехать в вагоне, не прячась под лавкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.